К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ (ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ) ВОЙНЫ (1914 — 1918)

От главного редактора: *Наши достославные СМИ где-то между днем Парижской коммуны и православной Пасхой, совпавшей в этом году с пасхой католической и армянской (монофизиатская христианская церковь), как по команде — а кто в этом сомневается? — вплотную обратились к теме начала первой мировой бойни XX века. Уже не настораживает и на поражает идеологема этой радиотелевизионной кампании, проводимой непонятно для какого контингента слушающих-смотрящих: воспитанные и обученные в СССР сами близки к пониманию истинной причине войны, а новым и новейшим генерациям все это мало интересно. Даже студентам гуманитарных специальностей, у которых и программы по истории к такой дате, наверное, подкорректированы, да и по телеканалу «Культура» — есть такая передача — вроде как матерые профессора, получившие степени и звания в советское время, с даты Парижской коммуны читают лекции по Первой мировой войне. Извиняюсь, может, им уже наскучила жизненная профессия «преподов-училок», но плохо читают, даже путаются: был ли Джордж Кеннан послом в царской России или в СССР?.. Но это к слову. Ведь и «властитель дум» современной популярной политологии, слова которого даже обычный утюг воспроизводит (надеюсь, догадались о ком речь — слушайте «Радио России» по воскресеньям пополудни...), на вопрос слушателя отвечает: «Разве румыны православные? Не знаю... надо в энциклопедии справиться».— И это на всю страну!*

Но — вернемся к Первой мировой войне в интерпретации нынешних СМИ и профессоров с канала «Культура». Получается... нуль абсолютный получается: для чего воевали, кто инициировал войну? — Не изучавший историю в СССР ровным счетом ничегошеньки не поймет. А как им иначе быть, чтобы допустили к микрофону и телекамере? Ведь кто им позволит, особенно сейчас, когда из-за событий на Украине и без того отношения России с Западом обострены донельзя? Говорить же правду о той далекой войне — значит становиться на позицию, абсолютно верную, адекватную советской историографии. А правда такова, что Германию с Россией (как и позже Третий Рейх с СССР), вообще говоря, не имевших почти никаких противоречий, искусственно столкнули, использовали «в темную», атлантисты, то есть Антанта, «англичанка», как писали и говорили (без кавычек) в России во второй половине XIX веков.— Для своих целей европейского, а с США и мирового, политического и экономического господства.

...Наш журнал является классическим русским изданием, сугубо художественно-литературным, не заангажированным политически. Потому мы настоящую рубрику и даем в литературном отображении. Конечно, было бы неразумно на столь малом печатном объеме дать сколь-либо широкую картину Первой мировой войны в литературных образах. Для этого есть шолоховский «Тихий Дон» и сотни, тысячи книг художественных, мемуарных и пр. Это же относится и к литературе противоборствовашей стороны, тот же Ремарк.

Поэтому столь важную, столь печальную дату мы сузили до одного эпизода войны — самого начального, сосредоточившись на приграничном с Германией губернском городе Калише Царства Польского и фигуре калишского казначея Соколо-

ва, действительного статского советника — ***первого русского героя*** *«германской» войны, как ее именовали в России. Ведь никто кроме нашего журнала об этом знаковом, начальном периоде войны не напишет! Только в нынешнем польском Калише инициативой тамошнего историка Аркадиуша Станиславовича Блащыка готовится к изданию книга о тех кровавых событиях. Главное — в эпизоде захвата немцами Калиша и подвига Соколова-Калишского уже проявился весь последующий ход войны на Восточном фронте!*

Редколлегия «Приокских зорь» сердечно благодарит польского историка за присланные фотографии, иллюстративные материалы, стихи и пьесу, посвященные Калишу и Соколову.

...И еще один существенный момент: так получилось, что автор этих строк знаком с некоторыми потомками Соколова-Калишского. Отсюда и наш рассказ «Последний граф империи» — художественное обобщение слышанных их семейных преданий.

Фото Соколова-Калишского и его семьи из журнала «Нива», 1914, № 36

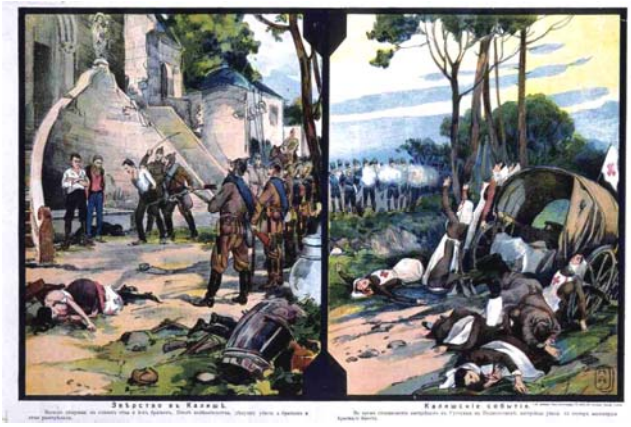
Казначей калишского губернского казначейства Соколов, замученный и расстрелянный немцами за отказ выдать русские деньги, заблаговременно, до вступления немцев, уничтоженные им по приказу начальства.

Семья казначея калишского губернского казначейства Соколова, замученного немцами. Вдова его, Елизавета Николаевна Соколова, с пятью детьми

(И польской газеты «Картечь»)

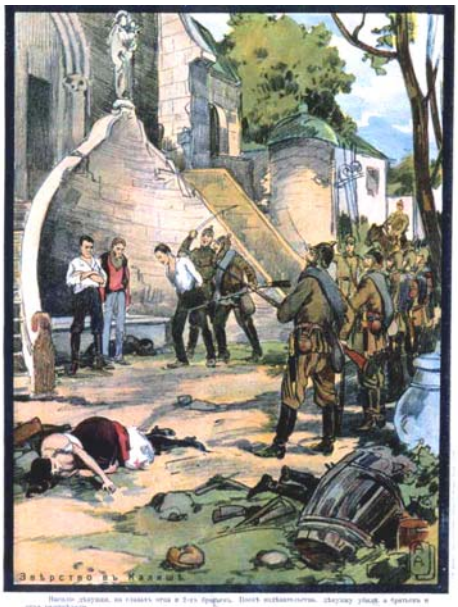
Пропагандистские русские открытки 1914-го года, показывающие зверства немцев в Калише и расстрел Соколова-Калишского

Жертва долга, губернскій казначей г. Налища—Соколовъ



Звѣрство въ Калишѣ.

Калишскіе событія.



Ксения Абкович

КАЛИШ*

В кошмарных грезах ночи
Я вижу мертвых очи:
В них столько страшной муки!
В мольбе скрестились руки...
Я слышу женщин крики
И немцев грозных клики...
А там вот ждут расстрела
Старик и дети смело,
Сверкают дула ружей
И кровь зловещей лужей...
Мой взор стремится дале:
В богатом, светлом зале
Пируют немцы шумно,
И дерзко, и безумно...
Разграблен погреб винный
Обширный и старинный;
Где высились жилища,
Чернеют пепелища.
В кошмарных грезах ночи
Я вижу мертвых очи...

Тихон Чурилин

ПЕСЕНКА**

Ах, дитя, ой, дитя,—
Чтой-то ты лежишь невесел,
Руки плетию повесил,
Глазки веками завесил,
Узкий стал в грудях,
Аааах!

Посмотри-ка на меня.—
Ах, сынок, ой, сынок,
Не подвинешь чтой-то ног,
Не раздвинешь рук твоих,
Ох, страшно их.

Камень-камнем ноги,
Руки влипли, черные, в дорогу.

Ах, дитя, ой, дитя,—
Был веселый, ехал в Калиш.

---

* Ксения Абкович. Калиш, В.: Огни и дали. Стихи. 1922 г., с. 16.
** Чурилин, Тихон Васильевич, Стихи Тихона Чурилина. М., Москва: Советский писатель, 1940.

Попрекнула те шутя:
Что-де зубы скалишь,
Черта манишь!!
А теперь лежишь, лежишь,
— Ишь:
Обезьяной зубки скалишь.
Ай да Калиш, Калиш...

1914

Николай Фольбаум

БЕГЛЕЦЫ*

На сцене полная темнота. Постепенно в этом мраке обозначаются слабые призрачные тени. Разгорается, шипя, над софитами прожектор, защищенный цветным стеклом.

И тени начинают колебаться. Старый, добрый, полузабытый «серпантин». Плавно колышутся мягкие крылья, и три женские фигуры несутся одна за другой.

Прожектор разгорелся окончательно; на белых одеждах заметны грубые швы и неразглаженные слежавшиеся полосы.

Разглаживать было некогда. Танцовщицы только что приехали из Варшавы.

Движения становятся все резче; мелькают по сцене, как птицы, захваченные бурей. И буря их действительно захватила.

Много нахлынуло в Москву этих театральных беженцев из Польши. Кочевали по городам и местечкам с незатейливым своим искусством, перебивались со дня на день. Думали, что хуже и быть не может, но бодро смотрели вперед. Никакая нужда их не испугает; они стоят на последней ступени нужды, дальнейших ступеней быть не может.

Но оказалось, что эта лестница беспредельна, и они еще не дошли до ее конца. Сколько испытаний!..

— В Польше не для кого больше танцевать. Не осталось зрителей.

Боролись до последней возможности; собирая последние силы, кочевали они по местечкам, где прежде их встречали незабываемые триумфы. Теперь их встречают там одни дымящиеся развалины.

Нет больше зрителей; кого привлечет их воздушный «серпантин» в это время, когда все население местечек само превратилось в участников невиданной с самого сотворения мира трагедии?

Они пробирались в еврейском фургоне по лесным дорогам. Послышался тяжелый грохот; остробородый еврей зачмокал, задергал вожжами, и лошади едва успели свернуть в сторону.

Мимо них пролетела на рысях конная батарея; тяжелые пушки мчались с такой быстротой, что подпрыгивали как резиновые.

Скрылись — и через несколько минут начали раздаваться оглушительные раскаты.

— Там театр посерьезнее нашего. Бродячим артистам нечего делать в Польше...

А шрапнельные выстрелы расплываются, как белые тучки — совсем как серпантин,— в небе.

---

* Фольбаум Николай Александрович, Беглецы, А: Руга Владимир, Кокорев Андрей. Повседневная жизнь Москвы: очерки городского быта в период Первой мировой войны, Москва: АСТ; Владимир: Астрель; 2011.

В каждом маленьком московском театрике вы встретите несколько беженцев, которых вытеснила из Польши война.

Не хватило сил бороться; их бутафорский хлам не устоял против тяжелых орудий. Жестокая судьба выкинула их из местечек в столицу.

Маленькие театрики сами дышат на ладан, сократили до крайних пределов все свои расходы,— но у них не хватило жестокости отказать в приюте польским беглецам.

Другие нашли пристанище в цирках. Молодой опереточный комик попал в качестве клоуна на арену, рассказывает примитивные анекдоты и декламирует злободневные куплеты.

На голове его рыжий парик, в котором он играл прежде какого-то обольстительного графа, соломенная шляпа, уцелевшая от роли какого-то банкира.

Он медленно ходит за лошадью, на которой сидит, отдыхая от трудного прыжка, наездница в блестках,— и старается развеселить публику.

— У нас в цирке он отдохнет от скитаний. Много ему пришлось натерпеться...

Товарищи относятся к беженцам с чрезвычайным вниманием.

Несколько человек пристроились около кинематографа. Участвуют в съемках картин из текущих событий. Возник вопрос о какой-то мелкой подробности в форме немецкого офицера.

Беженцы пригодились — все было сделано по их указаниям. Кому же и знать, как не им.

Один из беженцев долго объяснял, как у прусского лейтенанта расположены выпушки и петлички, а потом не выдержал, остановился и начал вытирать глаза.

К нему бросились, принялись его утешать. А он говорит:

— Невольно слезы... Ведь я все это видел... Ведь я из Калиша...

Кружатся белые тени. Судорожно машут крыльями белые птицы.

И с последним аккордом застывают неподвижно. Легкие одежды опустились прямыми складками.

Как воплощенное отчаяние...

Владиміръ Ив. ЧАЙКИНЪ.

КАЛИШАНЕ
ВЪ КОГТЯХЪ
У ВАРВАРОВЪ-ПРУССАКОВЪ

Драма изъ современной войны.

Книга посвящена
славной памяти героя города Калиша,
казначея Соколова-Калишскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Сѣверная Печатня". В. О., 13 л., 2.
1915.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Одна из центральных улиц города Калиша. Небольшой дом-особняк, окруженный большим садом. Вечереет. На небе ни облачка. После жаркого дня наступил прохладный вечер. Слышен однотонный звон колокола,— то благовест к вечерне. На террасе, выходящей в сад, сидит все семейство Коваленко и Мария Васильевна Нечипоренко. Все пьют чай. На столе стоит букет из роз. Сергей Васильевич читает газету. Петя и Миша молча пьют чай. Мария Васильевна и Елена Сергеевна тихо спорят о чем-то. Екатерина Александровна раскладывает пасьянс. Лидия Павловна что-то подсчитывает и записывает в тетрадь.

Елена. Ты пойми, Мурочка, как я рада, что Котичка, наконец, завтра приезжает. Боже, как я истомилась, ожидая его, моя дорогая.

Мария. Ну, я думаю... Столько времени не видеться,— можно истомиться. Что же он тебе еще пишет, милочка?

Елена. Да вот, он был у своего товарища по гимназии, в Екатеринославской губернии. У отца этого товарища там, по берегу Днепра, богатые охотничьи угодья,— свои озера и лиманы. Количка и его товарищ — страстные охотники. И вот, он пишет, что беспрерывно охотился во время весеннего пролета птиц; пишет, что собрал большую коллекцию уток и других болотных, главным образом, птиц. Торжествует, что убил каких-то розовых скворцов. Пишет затем, что собрал большую коллекцию змей, бабочек, жуков. Он так, Мурочка, любит природу, так любит природу!.. У него какая-то бешеная страсть к естественным наукам и к собираниям различных коллекций птиц, бабочек, жуков, змей и растений. О, как он любит, Мурочка, собирать всевозможные коллекции!..

Мария. Как жаль, Леночка, что в Петрограде ты не успела меня с ним познакомить.

Елена. Но, Мурочка, дорогая, он завтра ведь приезжает,— недолго ожидать осталось. Но если бы ты знала, дорогая Мурочка, что делается с моим сердцем: оно как-то особенно сладко бьется. Боже мой, как я волнуюсь! Ведь я его так безумно люблю, моего Количку: он такой милый, славный, красавчик мой дорогой.

Сергей Васильевич (серьезно посмотрев на дочь и затем на всех). А вот, господа, я вам серьезную новость прочитаю.

Лидия Павловна, Елена и Мария. Пожалуйста! пожалуйста!.. Что такое?..

Сергей Васильевич. Да вот что! Вена. Злодейски убиты в Сараево сербом-гимназистом Принципом и еще одним неизвестным анархистом — эрцгерцог Франц-Фердинанд и его жена. Убийцы схвачены. Полиции с трудом удалось оттеснить публику и тем спасти убийц от самосуда толпы, пришедшей в необычайную ярость. Ходят слухи, что в убийстве и заговоре замешаны многие видные сановники Сербии.

Голоса. Ах, какой ужас! Ах, какой ужас! Как это ужасно! Боже мой, Боже мой!

Сергей Васильевич. Да, это действительно ужасно. Но этого эрцгерцога Франца-Фердинанда жалеть не нужно. Это был жестокий человек, вечно жаждущий крови человеческой, ненавистник славян и церквей православных. А вот про герцогиню ничего не могу сказать; не знаю и ничего про нее не читал и не слыхал.

Миша. Папочка, дорогой, нам учитель географии говорил, что Франц-Иосиф, император Австро-Венгрии, самый старый из всех государей в мире. Это правда? а?

Сергей Васильевич. Да, сынок, это правда.

Елена. А мы с тобой, Мурочка, опять к вечерне не попали?

Мария. А зачем остановка? Пойдем сейчас, успеем; ведь, мы одеты.

Екатерина Александровна (говорит старческим голосом, тряся головой). Пойдите, милые девочки, пойдите; это очень хорошо; помолитесь Богу за нас всех. Я бы тоже пошла с вами, да нездоровится что-то и ноги сильно болят.

Елена. Так пойдем, что же, мы, правда ведь, одеты; только шляпы одеть, да подушиться — и готово дело!

Мария. Конечно! Пойдем же скорее!

Елена. Пойдем, милая Мурочка, пойдем *(убегают).*

(*После ухода Елены и Марии, Петя и Миша благодарят за чай и целуют отца, мать и бабушку, Екатерину Александровну, и сначала усаживаются на ступеньках террасы, а затем, спустя минуту, уходят в сад. В саду слышится голос Миши*).

Миша. Петя, лови меня!

(*На террасе остались: Сергей Васильевич, его мать и жена*).

Сергей Васильевич. А ты знаешь, Лида, вот это убийство эрцгерцога может много весьма худых последствий иметь.

Лидия Павловна. А каких, голубчик мой, весьма худых последствий?

Сергей Васильевич. Да как — каких!? Ведь, ты же слыхала, когда я читал сейчас, что в заговоре замешаны сербы, занимающие видное общественное положение... Следовательно, могут обостриться отношения между Сербией и Австро-Венгрией. А обострятся наверное. Я чувствую это по характеру телеграммы из Вены. В случае же войны между Сербией и Австро-Венгрией — Россия не будет молчать. А нам здесь, на границе, жить не совсем и безопасно.

Лидия Павловна. Ну, ты уж!.. У тебя уж и война!.. Какая там война?!. Теперь войны не в моде.

Сергей Васильевич. Эх ты, женщина!!. Вот и институт окончила, а ума не набралась.

Лидия Павловна. А ты, Сергей Васильевич, не можешь без грубостей обойтись: обязательно ты должен задеть меня и институт. Институт, мой милый,— это твоя слабая струнка, на которой ты постоянно играл и играешь, Я рассуждаю по-своему, а ты, голубчик, по-своему рассуждай. Но я должна тебе сказать, что вообще все теперь говорят, что войны долго теперь не будет с Россией.

Сергей Васильевич. Кто это все говорят, все говорят, все говорятъ?! *(Громким резким басом, жестикулируя руками).* Бабье какое-нибудь неразвитое, вроде тебя и этой... как ее?.. Анны Павловны, твоей безмозглой приятельницы,— слава Богу, уехавшей на два месяца из Калиша. *(Передразнивает жену свою, старается говорит тонким голосом).* Все говорят, все говорят, что войны с Россие не будет!.. Да наоборот, милейшая Лидия Павловна, все умные люди, не такие, конечно, глупышки, как ты со своей Анной Павловной,— этим качаном капусты,— все говорили и давно уже говорят,— предсказывали и предсказывают,— что война России с Германией и Австро-Венгрией неизбежна, и рано или поздно, но будет *(резким, грубым нервным голосом)*, вот что, милейшая Лидия Павловна!

Лидия Павловна. Какой тон у тебя?! Боже мой! Ты воображаешь, что эскадрон драгун в атаку ведешь! Чего ты так кричишь? Говори спокойнее, я слышу,— не глухая. Фу, какой ты грубиян, Сергей Васильевич! Что ты, не в духе сегодня или на левую ногу встал? Лучше бы поменьше в карты играл да проигрывал! Как это ты еще дома до сих пор сидишь?! Пора! Пора! Уже, наверное, ждут партнеры! Торопись поскорей! Лучше, чем здесь бурчать и оскорблять.

Екатерина Александровна. Зачемъ вы ссоритесь, Сережа и Лида? Как только дети уходят, так вы и начинаете... И это каждый день, каждый день.

Сергей Васильевич. Да что же она, мама, гиль несет! Дичь порет! Молчала бы, а то тоже: куда конь с копытом, туда и рак с клешней... Да и никакой ссоры нет! Гово-

рим, как вообще говорят свои люди, родные. А вот, что касается того, что я в карты играю,— это не ее дело, а лично мое. Какая опекунша! Скажите, пожалуйста! Что я тебе: гимназист, что ли?

Лидия Павловна (нервно восклицает сквозь слезы). Да оставь меня, пожалуйста, в покое, я серьезными мыслями занята!

Сергей Васильевич. С чем суп завтра готовить?!

Лидия Павловна. Да хотя бы и так! Грубиян!

Сергей Васильевич. Ну, ладно. Занимайся себе серьезными мыслями, а я пойду, пройдусь.

Лидия Павловна. Иди! Иди! Я же говорила тебе, что пора! Тебя давно партнеры ждут.

Сергей Васильевич. Ну, ладно, ладно! Не петушись и не сердись! Я скоро приду.

Лидия Павловна (тяжело вздыхая). Знаем, голубчик, твой скорый приход!.. Не забывай только, пожалуйста, что завтра у нас дорогой гость.

Сергей Васильевич. Знаю! Знаю! *(Встает и уходит, небрежно отшвырнув газету).*

(*На сцене остаются мать и жена Сергея Васильевича*).

Лидия Павловна (нервно). Вотъ, опять пошел! Опять на всю ночь! Боже! Когда это все кончится?! Это хуже всякой войны!..

Екатерина Александровна. А вы постарайтесь повлиять на мужа. Удержите его.

Лидия Павловна. Да как повлиять? Как удержать его дома? Боже мой! Ну, вы, бабушка, скажите, подскажите, посоветуйте мне, ради Бога! Помогите мне! Боже мой! Боже мой! Ведь, это же невозможно, наконец! Когда это все кончится?!

Екатерина Александровна. Да очень просто! Поставьте ему такой ультиматум: что если он будет продолжать по ночам пропадать и какие-то секретные, по всей вероятности, денежные дела вести с этим негодяем, рыжим немцем Мельбаумом, то скажите ему, что вы оставите здесь, в Калише, его одного и уедете с детьми и со мной в Петроград,— а я, в свою очередь, поддержу вас.

Лидия Павловна. С удовольствием, так и поступлю, как вы говорите, дорогая бабушка. Боже мой! Отчего же вы, дорогая, этого мне раньше не посоветовали?!

(*Стемнело. На террасу вбегают с веселым смехом Миша и Петя*).

Лидия Павловна. Миша! Скажи Фросе, чтобы подала сюда фонари.

Миша. Сейчас, дорогая мамочка!

(*Убегает, а за ним и Петя. Через несколько минут на террасу входит Фрося с двумя горящими садовыми подсвечниками, а за нею, пристукивая каблуками, идут Миша и Петя, гуськом*).

Лидия Павловна (глядя на детей и улыбаясь). Тише вы, шалуны! Не стучите!

Миша и Петя. Рады стараться! Слушаемся! *(Подбегают к матери* и *целуют ее).*

Фрося (поставив свечи на стол). Барыня, сказать Дуне, чтобы ужин готовила?

Лидия Павловна. Да, пожалуй, скажите, милая. Пора. И самоварчик оживите. Скоро уже барышни наши придут из церкви. Накрывайте на стол, и как только придут барышни — подавайте все.

Фрося. Слушаю-с! *(Уходит. Спустя несколько минут приходит готовить все к ужину и уходит).*

Екатерина Александровна. А я пойду, лягу. Что-то нездоровится мне.

Лидия Павловна. Что же вы, не ужиная? Хоть молока стаканчик выпейте! Нельзя же так!

Екатерина Александровна. Да нет, спасибо! Пойду лягу. Ничего не хочу. Что-то нездоровится. Спокойной ночи, Лида, Миша, Петушок! *(Встает и уходит, раскланиваясь с детьми и Лидией Павловной).*

Лидия Павловна. Спокойной ночи, дорогая бабушка, спокойной ночи!

Петя и Миша (подбегая к бабушке, целуют ее). Спокойной ночи, дорогая бабушка, спокойной ночи! (*Поцеловав бабушку, Петя и Миша садятся за стол на свои постоянные места*).

(*На террасу, скорою походкой, почти вбегая, входят Елена и Мария*).

Елена. Ах, мамочка, дорогая, как есть и пить нам хочется! Проголодались.

Лидия Павловна. Сейчас, милые мои, все будет готово: и еда, и питье. Все ждет вас. Идите, переодевайтесь. Освободите себя от лишнего.

Мария. Пойдем, Леночка, переоденемся!

Елена. Пойдем, Мурочка. *(Уходят, подпрыгивая, за ними убегают Миша и Петя).*

Елена (поет, уходя). О, ночь, волшебная, полная неги, будишь ты грезы о счастье минувшем.

Лидия Павловна (*одна, говорит сама с собой).* Влюблена Леночка. Весела. Завтра желанный приедет. Когда-то и я переживала такие счастливые дни и часы... А теперь, вот!.. Какая противоположность чувств!.. Ежедневно Сергей Васильевич является на заре, под хмельком. Целый день бурчит. Ходит невеселый и хмурый, задумчивый какой-то... Как все в жизни с годами меняется! Боже мой! Боже мой! Давно ли он был, мой Серж, молоденьким и бравым корнетом?.. Давно-ли я окончила институт?.. Подруги... Зина, Ольга... Попрощались с институтом; разлетелись кто куда... Первое время переписывались, а там... и заглохло все... Началась новая эра жизни. Я влюблена... Он блестящий кавалерийский офицер. Дальше... Счастливая любовь... Веселье... Страстные ласки мужа... Неведомые, жгучие, сладкие ласки... А там... Появление на свет Божий Леночки... А дальше... горе, горе и горе... Смерть мамы... Неприятности по службе у мужа. Уход его из полка. Служба в полиции в столице. Опять неприятности... кутежи его... пьянство. Разлад с новым начальством. Донос пристава на мужа и позорное увольнение... Преезд в Калиш... Покупка земли и дома... (*Вбегают Елена и* Мария).

Елена (поет). Приди, мой милый, я в ожиданье,
Жажду свиданья, жажду лобзанья...
Ах, приди, мой милый, я в ожиданьи,
Дай поцелуем твоим упиться,
В страстных объятьях твоих умереть*.

Лидия Павловна (*глядя на Елену*). Ах, ты, мое солнышко ясное! *(Елена подбегает к матери и целует ее. Лидия Павловна берет дочь за голову, смотрит ей пристально в глаза и говорит*): Ты моя ненаглядная! Торжествуешь, деточка... Завтра он приедет... желанный твой... да?

Елена (*целует мать громко и звонко).* Да, да, милая мамочка! Я так рада... так рада... так радостно сердечко бьется... *(Говорит страстно, задыхаясь).* Я так счастлива... Я так его безумно люблю... И он, мамочка, меня безумно любит.

Лидия Павловна. Дай Бог, дай Бог вам счастья!..

Мария. Как я рада, Лидия Павловна, за Леночку, что она так счастлива.

Лидия Павловна. Благодарю вас, Мурочка!

Мария. А вот мой женишок что-то долго не пишет мне.

Елена и *Лидия Павловна* (*одновременно*). Получите, получите, даст Бог! Ведь, он вам часто пишет. Потерпите маленько!

Мария. Да!.. Но я, вот, к сожалению, не из терпеливых.

(*Входит Фрося*).

Фрося. Барыня, ужин готов... Можно подавать?

---

* Автор этго романса ме неизвестен.— В.Ч.

Лидия Павловна. Подавайте, Фрося, и детей зовите ужинать.

Фрося. Слушаю-с! *(Уходит).*

Елена. Ах, мамочка, как мне есть хочется! Кажется, как никогда.

Мария. Да!.. У меня тоже хороший аппетит.

Лидия Павловна. Это, милые девочки, потому, что вы прошлись немного.

(*Входит Фрося и ставит в центре стола большое блюдо. Разом с нею вбегают Миша и Петя и садятся за стол. Все едят*).

Фрося (уходя). Барыня, и самовар можно подавать?

Лидия Павловна. Да, подавайте!

Фрося. Сейчас подам. *(Уходит).*

Елена. Мамочка, а папа — по обыкновению...

Лидия Павловна (грустно, протяжно). Да, милая Леночка.

Мария. А Екатерине Александровне опять, наверное, нездоровится?

Лидия Павловна. Да, что-то похварывает она. Да и сыном-то, нашим папенькой, не особенно довольна.

(*Входит Фрося, вносит самовар, ставит его иа стол и уходит*).

Мария. Какой несимпатичный этот немец рыжий, что приходил вчера к Сергею Васильевичу.

Лидия Павловна. Ах, вы его разве видели? Где же?

Мария. Да в саду вашем... Мы сидели с Леночкой на скамеечке и читали, а Сергей Васильевич по аллее мимо нас прошел с ним. Этот рыжий немец посмотрел на нас в свое пенсне с каким-то явным пренебрежением и злою гримасой и гордо, надменно кивнул нам головой.

Елена. О, мамочка, правда, какой он противный, этот рыжий немец. Вот урод! Да и страшный при этом урод! Если бы я его ночью где-нибудь в пустынном, глухом переулке встретила,— я бы насмерть перепугалась.

Лидия Павловна. Да, действительно, страшный и урод, и известный в Калише негодяй!

Елена и Мария (разом). А чем же он занимается вообще?

Лидия Павловна. Ах, милая, лучше не спрашивайте меня об этом. Этот рыжий, противный немец Мельбаум — негодяй,— вот и все! Занимается он всякими подлыми, худыми, преступными делами, о которых и говорить в порядочном доме непристойно. А Сергей Васильевич, вот, тоже с ним о чем-то секретничает, что меня очень мучает и беспокоит, а также бабушку. Мне кажется, бабушка из-за этого и больна. Она молча страдает, бедняга.

Елена. Но, мамочка, неужели же папочка на какую-либо бесчестную сделку пойдет с ним? Что ты, дорогая?

Лидия Павловна. Ах, Леночка, лучше переменим тему разговора. Вот, посоветуйте, милые девочки, мне, какой на завтра обед заказать Дуне? Ведь, завтра же Николай Георгиевич приедет, а он любит вкусно поесть.

Елена (*сразу оживившись*). Ах, милая мамочка, я тебе сейчас скажу! Послушай меня, милая, я знаю ведь, что он любит!

Лидия Павловна. Говори, Леночка, слушаю тебя.

Елена. А вот что, милая мамочка: Количка любит борщ малороссийский, гречневую кашу с хорошим маслом, пожарские котлетки со сладким горошком, а на сладкое — шеколадный крем, который и все мы любим. Затем, водки надо купить и пива. Количка любит перед обедом выпить рюмки две водки, а после обеда любит несколько бокалов пива холодненького выпить. А для нас с Мурочкой, милая мамочка, токайского купи, и мы выпьем по рюмке вина по случаю его приезда.

Лидия Павловна. Отлично! Согласна с тобой, моя дорогая! Все будет, милая девочка, по твоему рецепту.

Елена. Мурочка, а тебе, быть может, не нравится обед по моему рецепту, так ты скажи?

Мария. Что ты, Леночка! Такой вкусный обед! Прекрасно! А вот только знаешь что, моя милая, мы с тобой к крему сделаем трубочки из маленьких блинчиков. (*Восклицает, мило улыбаясь*). Это так вкусно!

Елена. Ах, дуся, дай я тебя поцелую за это... Какая ты умница! Вот Количке понравится! Он так любит всякие сладкие блюда. (*Обе смеются*).

Лидия Павловна (*глядя на них, улыбаясь*). Ах, вы, мои кухарочки! Я сейчас пойду к Дуне и все закажу.

Елена (*капризно*). Мамочка, и мы с тобой в кухню пойдем!

Лидия Павловна. Пойдемте, милые, пойдемте, пожалуйста!

Миша и Петя. А шоколадный крем в трубочках это очень вкусно! *(Оба улыбаются).*

Мария. Ну, вот, девочки, завтра будете кушать шоколадный крем в трубочках. Это, правда, очень вкусно!

Миша. Мамочка, мы с Петей спать пойдем. Спасибо тебе за ужин.

Лидия Павловна. Идите с Богом, милые, идите!

(*Миша и Петя желают всем спокойной ночи, всех целуют и уходят*).

Лидия Павловна. Ну-с, господа, а мы теперь пойдемте в кухню, к Дуне.

(*Поднимаются из-за стола. Входит Фрося*).

Фрося. Барыня, можно убирать со стола?

Лидия Павловна. Убирайте, Фрося. А Дуня дома?

Фрося. Она, барыня, квас приготовляет.

Лидия Павловна. Прекрасно! Вот, Мурочка, будете у нас квас домашний пить. Дуня его чудно приготовляет!

Мария. Мерси, Лидия Павловна.

Елена. Действительно, Мурочка, Дуня дивный квас делает, я уже пивала ее квас.

(*Лидия Павловна, Елена и Мария уходят. Остается только Фрося, которая убирает посуду со стола и, убравши все, тоже уходит. Погодя на террасу входят Лидия Павловна, Елена и Мария*).

Лидия Павловна. Ну-с, милые девочки, пойдемте теперь в сад, погуляем немножко, походим,— благо есть свой сад и не надо далеко идти.

Елена и *Мария.* С удовольствием!

(*Спускаются с террасы в сад. Спустя некоторое время, они снова появляются на террасе. Лидия Павловна с Еленой берут подсвечники и все трое уходят во внутренние покои. Идя, говорят*).

Лидия Павловна. Ну, а теперь можно и спать идти. Кто хочет — может перед сном почитать. Я, например, люблю перед сном почитать немного что-нибудь.

Елена. А мы, мамочка, всегда с Мурочкой читаем перед сном.

Лидия Павловна. Ну, вот и прекрасно! Только думаю, дорогая, что сегодня тебе не очень-то спокойно будет читаться.

Елена (капризно). Ну, мамочка!.. Ты смеешься надо мной... Какая ты!..

Лидия Павловна. Ах ты, моя маленькая...

(*Речь обрывается. Запираются двери, выходящие из внутренних по-коев на террасу. В саду, против террасы, показывается неуклюжая фигура дворника Федора. Сад слабо освещен от фонаря с улицы*).

Федор (беседует сам с собой). А ну ж, чи прийде сегодни Фроська до мене? Вже господа пишлы спать. Кажуть, шо завтра чорты якогось паныча принисут у гости до панив моих, та ще кажут дуже красивый вин... Колы б ще не одбыв у мене мою Фроську?..

(*Чешет затылок, а затем молодецки закручивает свои усы. Из-за угла террасы показывается Фроська*).

Фрося. Что ты делаешь здесь?

Федор. Ничего!.. Тебе жду!.. Чого ты так довго не выхóдила?

Фрося (старается перекривить Федора). Чого не выхóдила!? Оттого не выходила, что только сейчас господа спать легли. *(Недовольным тоном*). Вот, чудак ты какой!

Федор. А шо то такое чудак?.. Нимец, мабудь, по-паньскому?..

Фрося. Ах, ха-ха-ха-ха!! *(Сильно смеется).*

Федор (обиженно). Чого ты регочешься? Що я тоби за насмишка? Дурень, чы що? Дывысь яка мамзеля!!

Фрося (продолжает смеяться). Ах, ха-ха-ха!! Я мамзеля, мамзеля! Ах, ха-ха-ха!!

Федор (обиженно). Свыня ты, ось що!

Фрося (перестаешь смеяться и, в свою очередь, обиженно говорит). Я — свинья? Спасибо тебе, Федя. Это ты за мою любовь к тебе так называешь меня? Спасибо тебе, Федя... за ласку... *(Фрося достает из кармана своего передника носовой платочек и утирает глаза. Чуть слышно плачет).*

Федор (сильно испугавшись). Та я так сказав! Шутейно! Не обыжайся, пожалуйста! Звыны мене! *(Подходит ближе к ней и силится обнять и поцеловать ее).*

Фрося (отстраняет его рукой и говорить). Пожалуйста, без этого!

Федор. А як шо с этим?

(*Схватывает Фросю за плечи, прижимает к себе и несколько раз целует. Фрося пытается вырваться, делает разные движения руками, подпрыгивает. Федор выпускает ее из своих объятий*).

Фрося (поправляя на себе кофточку). Тьфу, нахал! *(Говорит капризно, недовольно).* Какой медведь! Всю мою кофточку измял! Только сегодня выгладила!

Федор (весело улыбаясь и тяжело дыша, от прилива страсти). Ничого, моя мыла, мое серденько! Завтра ще раз выгладыш!

Фрося. Да!! Тебе легко говорить!!

Федор. А вже ж що легко.

Фрося. Какой ты смешной, Федор!

Федор. Такый, якый есть! Якый произойшов — по-панському, а по-нашому — народывся от батька и матери.

Фрося (Начинает с ним заигрывать. Смеется. Кокетничает. Ущипнула его). Ух, ты, жирный такой!

Федор (ловит ее за талию). А ты тоненька! Де треба — товстенька!

Фрося (извивается, вырывается и смеется). Ах! ха-ха-ха! Не смей! Маме скажу!

Федор. Маты твоя далеко! Не почуе! *(Целует ее. Затем, выпустив из рук Фросю, Федор, положив свою правую руку ей на плечо, говорит).* А знаешь що, мое серденько? Лучше, чим от тутычки граться та дурну ломать, ходим до мене, моя мыла, в сторожку, в мою келью, ночувать. (*Причмокивает).* Ой, и добре ж выспымось удвоих.

Фрося. Ишь ты!.. Хитрый какой!.. А как барин застанет нас?.. Барина, ведь, как всегда, дома нет.

Федор. Не застане!.. Ты пид кушетку сховаесся. *(Снова обнимает ее и целует. Фрося слабо сопротивляется и оба все целуются и обнимаются).*

Фрося. Я боюсь идти к тебе ве сторожку.

Федор (стоит, обнявши ее, и говорит). Не бийся, мое серденько! *(Снова целует).* Ой, як я тебе люблю, мое серденько! *(Нежно прижимает к себе).* Як бы ты мене, Фросю, хоть трошки так любыла, як я тебе... *(Медленно уходят обнявшись).*

Фрося. И я тебя люблю, мой милый, Сильно люблю!..

Федор. Любышь?! Справда любышь?!

Фрося. Да, люблю...

Федор. О, мое серденько, моя люба, моя кохана...

(*Целуются и скрываются в саду. На сцене постепенно светает. Слышится звонок. Спустя минуту еще и еще, все сильнее. Затем слышны голоса*).

Сергей Васильевич (резко, громко и грубо). Спишь, скотина, как убитый! Насилу дозвонился!

Федор. Звынить, пожайлуста, Ваше Высокоблагородие!?

Сергей Васильевич. Зазвенеть бы тебя по уху, подлеца!

Федор. Точно так, Ваше Высокоблагородие!

Сергей Васильевич. Дурак!.. Идиот!.. Негодяй!..

(*Оба показываются против террасы. Впереди нервными, большими шагами идет Сергей Васильевич, а позади в изорванных старых туфлях, в растегнутой рубахе навыпуск, и с всклокоченными волосами Федор*).

Федор. Точно так, Ваше Высокоблагородие! Звынить!

Сергей Васильевич (*нервно, раздражительно и громко).* Пшел вон! Мерзавец! Не приставай ко мне!

Федор. Слушаю-с, Ваше Высокоблагородие!

(*Поворачивается и уходит, уныло свесив голову. На террасу входит Сергей Васильевич, достает ключ из кармана и говорит.*)

Сергей Васильевич. Вот негодяй, как крепко спал, насилу дозвонился! Это после крупного проигрыша извольте целых четверть часа звонить у калитки! А чтоб ты лопнул, подлец! Негодяй! Завтра же вон выгоню! С-с-катина эдакая!..

(*Отпирает двери и скрывается за дверью. На сцене делается светло. Всходит солнце. Мимо террасы с всклокоченными волосами, совершенно распущенными, и с расстегнутою кофточкой проходит Фроська, крадучись и озираясь по сторонам*).

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(*Чудное июньское утро. Фрося на террасе накрывает стол белоснежною скатертью; она все время потягивается и зевает после проведенной с Федором бессонной ночи. Накрывши скатертью стол, берет со стула большой поднос, полный разной чайной посуды и ставит его на стол, а затем снимает все с подноса и приводит в должный порядок. Против террасы показывается Николай Георгиевич с небольшим саквояжем в руках, а позади него — Федор с огромнейшим чемоданом и пледом. Оба приближаются и всходят на террасу. Фрося глядит на них удивленно*).

Николай Георгиевич. Здравствуйте, голубушка!

Фрося (кокетливо, с лукавою улыбочкой). Здравствуйте, барин!

Николай Георгиевич. А ваши господа, наверное, еще спят?

Фрося. Барин и барышни еще спят, а барчуки и барыня уже встают.

Николай Георгиевич. Они, наверное, меня только к обеду ожидали,— к трем, четырем часам,— не знаете ли, милая?

Фрося. Да!.. Барышня, Елена Сергеевна, говорили мне, что вы днем придете, к обеду.

Николай Георгиевич. А я вот раньше приехал.

Фрося (кокетничая и улыбаясь). Что же?! Это очень хорошо... Как раз к чаю по-

пали. А барышни наши будут рады-то... когда узнают... Боже мой, Боже мой!.. Вот уже будут они рады... Сейчас побегу и скажу им. *(Фрося хочет уйти).*

Николай Георгиевич. О нет, нет!.. Не делайте этого!.. Не говорите, пожалуйста, барышне, что я приехал. Она выйдет чай пить и тогда сама увидит меня здесь. Это будет и лучше, и интереснее.

Фрося (кокетливо смпется). Ха-ха-ха-ха! Слушаю-с! *(Принимая кокетливую позу, выставляя вперед грудь и лукаво улыбаясь, спрашивает).* И барыне не говорить о вашем приезде?

Николай Георгиевич. Да, абсолютно никому не говорите.

Фрося (подает ему стул). Садитесь, барин, пожалуйста! Вы, наверное, устали с дороги?!

Николай Георгиевич (садится). Благодарю вас, милая.

(*Николай Георгиевич вынимает портсигар и закуривает папиросу, Федор во время всей этой сцены, поставив в угол террасы вещи, злобными глазами смотрел, переминаясь с ноги на ногу, то на Фросю, то на Николая Георгиевича. Когда же Фрося, кокетливо улыбаясь, подала Николаю Георгиевичу стул и последний сказал ей: «Благодарю вас, милая»,— Федор не вытерпел, сильно закашлялся искусственным кашлем, с рычанием, и начал чесать свой затылок*).

Фрося. А ты, Федор, поставил вещи барина и уходи! *(Сердито, недовольно, глядит на Федора).* Чего ты здесь торчишь?

Федор (злобно и пристально взглянув на Фросю). Пиду, пиду!.. Чого ты крычышь такычке? *(Злобно глядя на Фросю, уходит).*

Николай Георгиевич (спохватившись, оглядывается назад, встает, торопливо достает портмоне из кармана, и говорит). Подожди, голубчик!.. Подожди, не уходи!.. Я и забыл про тебя и про свои вещи. Что значит влюбленный?! *(Качает головой и роется в портмоне).*

Федор (сначала останавливается, а затем ближе подходит к Николаю Георгиевичу и говорит). А чого звольте, барын?

Николай Георгиевич (протягивая ему монету). Вот тебе рублик на чаек!

Федор (снимает фуражку, берет монету, кланяется и говорит). Покорнейше благодарю, вашу мылость, барын!

Николай Георгиевич (улыбаясь, с любопытством разглядывает Федора и говорит). На здоровье тебе, голубчик!

(*Федор уходит и, уходя, бросает грозный взгляд на Фросю*).

Фрося (повелительно, глядя на, Федора). Федор! ты, если пойдешь на кухню, не говори ни Дуне, ни барчукам, что барин приехал.

Федор. Знаю без тебе!.. Не учы вченого!

Фрося (смеется). Ха-ха-ха-ха!.. Отчего-то не в духе наш Федор сегодня.

Николай Георгиевич. А отчего же это он такой сердитый? Он всегда такой у вас?

Фрося. Нет! Он очень хороший человек. Господа наши — все его любят. Только, кажется, барин сегодня ночью поздно пришли и очень долго звонили, а Федор крепко спал. Вот ему и попало от барина хорошенько, чтобы не спал так крепко. Вот он и ходит теперь такой смешной и невеселый, сердитый. Он очень боится нашего барина.

Николай Георгиевич (улыбаясь). А!.. вот в чем дело.

Фрося. Барин у нас добрый. Покричат, покричат, а на следующий день все позабудут. Прощают наши грехи.

Николай Георгиевич. А разве и вам иногда попадает?

Фрося (все время кокетничает и улыбается). Случается!.. Всяко бывает!.. Не без этого!..

(*На террасу входит Лидия Павловна. Николай Георгиевич, при виде ее, стреми-*

тельно подымается и с распростертыми объятиями идет к ней. Лидия Павловна, растерявшись, останавливается на пороге двери).

Николай Георгиевич. Здравствуйте, дорогая Лидия Павловна! *(Целует Лидии Павловне руку, а она ему голову).*

Лидия Павловна. Здравствуйте, дорогой! Вот озадачили! Вот сюрприз! Вот не ожидала раньше трех часов дня увидеть вас! Ах вы, проказник мой дорогой! Ведь, вы же писали, что будете к трем часам дня?

Николай Георгиевич. Да!.. Но вот, удалось немного раньше прибыть.

Лидия Павловна (ласково улыбаясь). Боже, как хорошо!.. Прямо к чаю! А Лена, Лена?! Я не знаю, что с нею будет делаться, когда она узнает, что вы сидите на террасе и чай пьете? *(Лидия Павловна обращается к Фросе, которая возится с чайною посудой).* Фрося! Бегите скорее и будите барышень! Скажите им, что барин Николай Георгиевич приехал.

Николай Георгиевич (торопливо). О, Лидия Павловна, пожалуйста, я вас прошу не делать этого!

Лидия Павловна (передернув плечами, испуганно). А почему, мой дорогой!?.

Николай Георгиевич (нежно улыбаясь). Ленуся выйдет чай пить и неожиданно увидит меня, как вы вот... Это будет очень интересно... Я бы хотел так...

Лидия Павловна. Ах, правда!.. Правда ваша!! Так лучше. *(Обращаясь к Фросе).* Так вы, Фрося, молчок.

Фрося. Слушаю-с!

Лидия Павловна. А вещи Федор вносил?

Фрося. Да, барыня.

Лидия Павловна. Так и Федору скажите, чтобы он молчал.

Николай Георгиевич. Ах, не беспокойтесь, пожалуйста, дорогая Лидия Павловна, я обо всем этом уже позаботился...

Лидия Павловна. Ах, вот как!.. Прелестно, прелестно... В таком случае, садитесь, пожалуйста, будем чай пить. А вы, Фрося, подавайте самовар и кофе.

Фрося. Слушаю-с!

(*Фрося уходит*).

Николай Георгиевич. Где разрешите сесть?

Лидия Павловна. А вот здесь! *(указывает ему место).* Рядом с вашим местом будет Леночкино место.

(*Николай Георгиевич садится на указанное место*).

Николай Георгиевич (чуть привстает со стула и кланяется ей). Благодарю Вас.

(*Лидия Павловна также садится на свое постоянное место — против большого чайного подноса и чайной посуды. Фрося вносит самовар и ставит против Лидии Павловны*).

Лидия Павловна. Что, Фрося, не заметили, спят еще барышни или подымаются?

Фрося. Уже умываются.

Лидия Павловна. Прекрасно!.. В таком случае, подавайте и кофе.

(*Фрося уходит*).

Лидия Павловна. Ну-с, Николай Георгиевич, можно вам чайку налить? а потом, если пожелаете кофе? или как хотите? Фрося сейчас и кофе подаст.

Николай Георгиевич. Нет, уж, мне чайку, пожалуйста.

Лидия Павловна (*наливая ему чай).* Пожалуйста, пожалуйста. Пожалуйста, хлеб, масло, сыр.

Николай Георгиевич. Мерси, Лидия Павловна! Не беспокойтесь, пожалуйста!

(*Берет хлеб и намазывает маслом. Лидия Павловна дает ему стакан с чаем. Николай Георгиевич берет и говорит*).

Николай Георгиевич. Благодарю вас.

Лидия Павловна. Сахар уж сами берите по вкусу.

Николай Георгиевич. Мерси!

(*Приподнимается со стула, берет из сахарницы сахар, размешивает его в стакане и пьет чай*).

Лидия Павловна. А я, уж, кофе подожду. Да вот и кофе!

(*Фрося вносит кофейник и, поставив его около Лидии Павловны, уходит. Лидия Павловна берет кофейник и наливате себе в чашечку кофе. Пьет*).

Николай Георгиевич. Что у вас тут новенького, хорошего?

Лидия Павловна. Да все по-старому. Чего-либо выдающегося, особенного — нет. Вот разве скажу вам, не откладывая в долгий ящик, неприятную для вас новость.

Николай Георгиевич (испуганно). Что вы!? Какую неприятную новость!?

Лидия Павловна. Потому позволяю себе говорить неприятную для вас новость, что считаю вас своим, и мало того... родным, близким человеком — зятем.

Николай Георгиевич (кланяется ей). Очень тронут вашими дорогими моему сердцу, ласковыми словами и ценю их. *(Сильно взволнованно).* Но, ради Бога, не мучьте, говорите, что такое?

Лидия Павловна. Да вот что: Сергей Васильевич, мой муженек, а ваш будущий тесть, очень плохо себя ведет: ежедневно, не пропуская ни единого дня, пропадает по ночам в клубе и все проигрывает... проигрывает... Кажется, скоро и нас всех проиграет и поставит на карту.

Николай Георгиевич (с выражением большого испуга и удивления). Что вы?! Как это ужасно! Этого ведь раньше с ним не было... Он не увлекался так картами.

Лидия Павловна. Да!.. А теперь вот целое несчастье с этими картами!..

Николай Георгиевич. Но вы не пытались уговорить его — бросить игру? Урезонить его?

Лидия Павловна. Ах, дорогой мой, неужели вы не знаете еще его противного характера?..

Николай Георгиевич. А что же?!

Лидия Павловна. Да уж, как он хочет и что захочет, так все и должно быть. Не пикни и не возражай.

Николай Георгиевич. Но ведь это нехорошо!.. Ведь, он не один!..

Лидия Павловна. А вот он об этом забывает и не считается с этим. Говорит, что любит, любит всех нас и заботится, якобы, о нас, а выходит-то наоборот.

Николай Георгиевич. Быть можетъ я его урезоню. Хотя, конечно, это очень щепетильное дело.

Лидия Павловна. Ах, Боже вас сохрани!.. И не говорите на эту тему с ним, а то еще рассоритесь.

Николай Георгиевич. Да что вы!?

Лидия Павловна. Да, да!! Он такой нервный стал... неузнаваемый. Да, вот, выспится и выйдет — сами увидите. Заметно! Все замечают, что он стал особенно нервным, угрюмым и раздражительным.

Николай Георгиевич. Ах, как это очень неприятно!! И Ленуся, наверное, расстроена?

Лидия Павловна. Да нет. У Ленуси-то все мысли о вас... Она так еще зелена и молода... Во все не вникает... Да я ее и не посвящаю во все. Но все-таки и она кое-что знает о похождениях своего папеньки.

Николай Георгиевич. Ах, Боже мой, как это печально!!

(*На террасу входит бабушка Екатерина Александровна, Миша и Петя*).

Миша и Петя (увидя Николая Георгиевича, бегут к нему и кричат). Николай Георгиевич приехал!! Николай Георгиевич!! *(Целуются с ним и виснут на его руках).*

Лидия Павловна. Ну, довольно! Шалуны вы эдакие! Дайте бабушке поздороваться с Николаем Георгиевичем.

(*Миша и Петя оставляют Николая Георгиевича и желают доброго утра матери и целуют ее*).

Николай Георгиевич. Здравствуйте, дорогая Екатерина Александровна! Как поживаете? Как здоровьице ваше?

(*Екатерина Александровна подходит к Николаю Георгиевичу. Николай Георгиевич долго целует ей руку, а она его в голову*).

Екатерина Александровна. Неважно, неважно, милый Николай Георгиевич. Старость дает себя знать и чувствовать... Умирать уж пора... *(Качает головой).*

Николай Георгиевич. Да что вы говорите?.. Бог с вами, дорогая Екатерина Александровна. Еще жить да жить будем с вами, и веселиться.

Екатерина Александровна (*тяжело вздыхая).* Нет, милый Николай Георгиевич... Мое веселье, уж, наверное, в гробу будет.

Николай Георгиевич. Да не говорите о смерти, дорогая Екатерина Александровна. Будем жить... жить надо.

Екатерина Александровна. Жить надо вам, молодым... не мне, а я — уже старуха... отжила свое, мой дорогой.

(*Дети и Екатерина Александровна усаживаются за стол. Лидия Павловна наливает им чай и подает*).

Екатерина Александровна. Какова погода на юге?

Николай Георгиевич. Жарища ужаснейшая, невыносимая.

Екатерина Александровна. Да, в этом году везде и у нас тоже. Вот пока утро — ничего... а днем дышать невозможно, так душно, несмотря на то, что мы окружены большим тенистым садом. Вот и в Петрограде, пишут, что такая жара, какой старожилы много лет не запомнят.

Николай Георгиевич. А я и не читал об этом. Мне некогда было газеты читать. Еле успевал справляться с собранным материалом для моих коллекций.

(*Раскрываются двери, и входит Елена, а позади нее Мария. Елена, увидя Николая Георгиевича, вскрикивает и бежит к нему. Он также стремительно встает и идет к ней*).

Елена. Ах!.. Количка мой, дорогой!

(*Оба целуются. Николай Георгиевич долго не выпускает ее и целует ей руки*).

Николай Георгиевич. Наконец-то я вижу тебя, моя дорогая Ленуся. *(Снова целует ее).*

Елена (*немного успокоившись).* Количка! Маруся! Познакомтесь. (*Обращаясь к Николаю Георгиевичу).* Моя единственная дорогая подруга, о которой я тебе писала, дорогой: Мария Васильевна Нечипоренко, слушательница высших женских курсов в Петрограде. *(Обращаясь к Марии).* Мой жених — Николай Георгиевич Полешко.

(*Николай Георгиевич и Мария пожимают друг другу руки и знакомятся*).

Николай Георгиевич. Очень рад.

Мария. Очень рада.

Николай Георгиевич. Как же это Ленуся в Петрограде нас не познакомила?

Мария. Я поздно в этом году приехала, после Нового года, а вы рано уехали.

Николай Георгиевич. Очень, очень сожалею, что так вышло.

(*Входит Сергей Васильевич и глядит на всех весьма недружелюбно, но увидя Николая Георгиевича — весело, оживленно улыбается и, широко расставив руки, идет к нему, восклицая*).

Сергей Васильевич. А!.. Кого я вижу?! Дорогой мой!.. Очень рад, очень рад, что пожаловали, наконец.

(*Николай Георгиевич встает со стула и идет, улыбаясь, к Сергею Васильевичу. Оба, обнявшись, долго целуются и крепко жмут друг другу руки. Елена и Мария садятся за стол и Лидия Павловна наливает и дает им чай*).

Сергей Васильевич. Ну, что новенького? Рассказывайте-ка, дорогой мой! Как охотились?

Николай Георгиевич. Новостей сообщить никаких не могу, так как все время был в озерах, болотах и лесах, а вот что касается охоты,— есть о чем поговорить, да только если о всех моих охотах и похождениях говорить, то вам и слушать их надоест: слишком их уж много было, а скажу вам вкратце, что охота весенняя,— в особенности по селезням,— роскошнейшая была.

Сергей Васильевич. Не хорошо завидовать, но завидую, батенька, вам. Когда-то и я безумно увлекался охотой, как и вы, знаете ли, а теперь... теперь уж стар стал для охот. Вот на облаву еще могу съездить, а на болото или в озеро — плох уж... стар стал.

Николай Георгиевич. Да откуда это вы берете, Сергей Васильевич, что вы стары стали? Вы таким бодрым, сильным, здоровым выглядите.

Сергей Васильевич. Нет уж!.. Знаете нашу украинскую песню *(декламирует с чувством):*

Спивають пташки весело,
И реченька бижить;
У мене ж мое серденько
И млие и болить.
До тебе, люба реченька,
Ще вернеця весна,
А молодость — не вернеця,
Не вернеця вона!

Кстати, обращаюсь вперед к вам, дорогой мой, с покорнейшей просьбой, и надеюсь, вы ее уважите и сегодня вечерком дадите мне возможность прослушать целиком эту мою любимую малороссийскую песню: «Стоить гора высокая». У вас, ведь, прекрасный баритончик. А я давно уж, признаться, не слыхал хорошего малороссийского пения. Да, пожалуй, после вашего последнего отъезда и не слыхал.

Николай Георгиевич. С большим удовольствеем! Весь к вашим услугам, Сергей Васильевич. Благодарю за комплимент.

Лидия Павловна. А ты разве, Сергей Васильевич, сегодня вечер с нами проведешь?

Сергей Васильевич (сурово). Я думаю!.. Что за странный вопрос!?

Лидия Павловна. Для тебя, милый мой, странный, а для нас всех — совсем не странный.

Сергей Васильевич. Ну, довольно!! *(Покачивая головой).* Ах, эти женщины!!

Лидия Павловна. Да уж признайся Николаю Георгиевичу, что редко по вечерам дома бываешь.

Сергей Васильевич. С удовольствием! (*Обращаясь к Николаю Георгиевичу).* Вот, батенька, сердятся они на меня, но вы сами, дорогой мой, рассудите: лет я уже солидных; что вечером делать?.. Не сидеть же сиднем и томиться здесь вот, на террасе, до двенадцати часов ночи... И вот, я, знаете ли, по вечерам ухожу... Здесь у меня есть кое-какие... не друзья, а так, знаете ли, добрые знакомые... *(Изменяя голос).* Интеллигентные, конечно: доктор, учитель, два помещика. И вот, знаете ли, играем безобидно в картишки,— по маленькой.

Лидия Павловна. Хорошо безобидно, по маленькой!

Сергей Васильевич. Ах, Лидия Павловна, как я не люблю, когда ты не даешь мне говорить и вмешиваешься, когда я с кем-нибудь говорю. Ведь это даже неприлично.

Лидия Павловна. Извини, пожалуйста! Не буду больше.

Сергей Васильевич. И вот, знаете ли, дорогой мой, они вот: Лидия Павловна, мама, Лена и, кажется, Мария Васильевна, и даже Миша и Петя,— все на меня дуются. А что я, собственно говоря, худого делаю? Ей-Богу, ровно ничего!.. Цълый день вот с ними, а вечером с порядочными людьми. Ведь нельзя же кротом жить,— отвыкнешь от людей, от общества, и отупеешь совершенно. Не правда ли, дорогой мой?

Николай Георгиевич (*покашливая и улыбаясь).* Позвольте мне, Сергей Васильевич, быть нейтральным и промолчать?

Сергей Васильевич (смеется). Ха-ха-ха-ха-ха!.. Пожалуйста, пожалуйста, извольте! Дам боитесь: невесты, тещи, мамы моей? Ну, ничего, ничего!.. И я, будь на вашем месте, так бы, как и вы, поступил. Я нисколько не сержусь на вас и не обижаюсь. (*Обращается к Лидии Павловне).* Лидия Павловна, налей-ка мне, милая, чайку.

Лидия Павловна. С удовольствием, милый. *(Улыбается, наливает и подает ему чай).*

Сергей Васильевич (кланяясь Лидии Павловне, говорит ей, улыбаясь). Очень тебъ благодарен.

Лидия Павловна (смеется). Какой ты сегодня вежливый? Ха-ха-ха-ха...

Сергей Васильевич (тоже смеется). Да, как всегда, как всегда! Ха-ха-ха-ха...

Лидия Павловна (улыбаясь). Эх, ты!!

(*Все пьют чай. Входит Фрося*).

Фрося. Барыня, вас Дуня просит, пожалуйста, на минуточку.

Лидия Павловна (поднимаясь). Хорошо. Иду. А вы, Фрося, все вещи барина отнесите сейчас в приготовленную для него комнату. А еще лучше,— так как вам одной будетъ тяжело,— позовите Федора и сделайте это с Федором.

(*Лидия Павловна уходит, а Фрося спускается с террасы и идет за Федором*).

Елена. Количка, ты сильно устал в дороге?

Николай Георгиевич. Нет, Ленуся! Я прекрасно в дороге выспался. Ехал со всеми удобствами. Публики было совсем мало. В большом купе было нас всего двое: я и еще какой-то молчаливый субъект. Я все время спал, а когда проснулся, то увидел, что мой компаньон улетучился.

(*Елена и Мария вместе рассмеялись*).

Елена и *Мария.* Ах, ха-ха-ха!! Какъ смешно.

(*На террасу входят Фрося и Федор. Федор всем кланяется и вытягивается в струнку*).

Федор (глядя на Сергея Васильевича). Здравия желаю, Ваше Высокоблагородие!

Сергей Васильевич (*улыбаясь, глядит на Федора, как ни в чем ни бывало, позабыв про утреннее недоразумение с ним, и отвечает).* Здравствуй, голубчик, здравствуй! Вот, помоги-ка Фросе внести в комнату вещи барина.

Федор (сразу меняясь в лице и становясь веселым). Слушаю-с! Рад стараться Вашему Высокоблагородию!

(*Фрося все время тихо смеется и улыбается*).

Сергей Васильевич (улыбаясь, мягко и ласково). А вы, Фрося, чего там зубки свои скалите?

Фрося (*жеманясь).* Мне очень весело, барин.

Сергей Васильевич. Ишь ты... Скажите, пожалуйста, какая она сегодня веселая... Это барин приехал и всех развеселил. Ну-ну... веселитесь на здоровье.

(*Фрося и Федор уносят постепенно, в два приема, все вещи Николая Георгиевича*).

Николай Георгиевич (*обращаясь к Сергею Васильевичу).* Как идеально, по-военному, вымуштрован у вас Федор.

Сергей Васильевич. О, да!.. Я, знаете ли, как человек военный, люблю и дисциплину военную.

Николай Георгиевич. Прямо любо слушать и смотреть, как он вас приветствует и держит себя. Мне это очень понравилось.

Сергей Васильевич. Очень рад, очень рад, что вам это понравилось.

(*Входит Лидия Павловна, а Федор уходит с террасы осторожно, на цыпочках. За Лидией Павловной входит веселая улыбающаяся Фрося*).

Фрося. Барыня, можно убирать со стола?

Лидия Павловна. Да, убирайте и сами пейте.

(*Фрося приходит и уходит, постепенно все прибирая*).

Сергей Васильевич (*обращаясь к Николаю Георгиевичу).* Курнемте, дорогой мой! *(Предлагает Николаю Георгиевичу из портсигара папиросы).*

Николай Георгиевич. Мерси, Сергей Васильевич! С удовольствием.

(*Оба закуривают*).

Сергей Васильевич (вынимая часы и глядя на них). Мне необходимо на часок отлучиться, по весьма важному делу, так вы уже, дорогой мой, извините, пожайлуста, меня.

Николай Георгиевич. Пожалуйста, пожалуйста! Вы меня совершенно не стесняйтесь, а то сильно обидите меня.

Сергей Васильевич. Ну, вот, и отлично. Я скоро приду. *(Поднимается и уходит).*

Лидия Павловна. Господа! Я также сейчас пойду в город и скоро возвращусь, а вы, уж, тут сами погуляйте и побеседуйте. *(Обращаясь к Николаю Георгиевичу).* Вы, уж, Николай Георгиевич, и на меня не прогневайтесь, что ухожу, но я давно в городе не была, а надо кое-что справиться по хозяйству.

Николай Георгиевич. О, пожалуйста, Лидия Павловна! Что вы, что вы... не беспокойтесь, пожалуйста.

Лидия Павловна (поднимаясь, раскланиваясь и уходя). А пока — до свиданья!

Елена, *Мария*, *Николай Георгиевич*, *Миша и Петя (хором).* До свиданья, до свиданья!!

Екатерина Александровна (окидывая всех ласковым взором и улыбаясь). Ах вы, милые мои, шалуны, шалуны.

Елена. Количка!.. Мурочка!.. Пойдемте по саду погуляем.

Николай Георгиевич. С удовольствием, Ленуся. Пойдем.

Мария. Господа! Вы меня простите, пожалуйста, не подумайте, что с целью это делаю, но я тоже хочу сейчас на полчасика оставить вас и пойти написать своей маме пару слов; если же я сейчас не напишу, а после обеда, то письмо мое пойдет только завтра; а я своей мамочке давно уж не писала, и она, наверное, сильно беспокоится.

Николай Георгиевич (улыбаясь). Пужалуйста, будьте любезны. Когда же напишите своей мамочке,— приходите к нам в сад; мы с Ленусей будем в саду.

Елена. Только ты скорее пиши, Мурочка, а то нам с Количкой будет скучно без тебя.

(*Мария уходит во внутренние покои, а Николай Георгиевич под руку с Еленой спускаются с террасы и уходят в сад. На сцене остаются Миша, Петя и Екатерина Александровна*).

Миша. Пойдем, Петя, в нашу комнату; будем во что-нибудь играть.

Петя. Пойдем.

(*Встают оба и уходят*).

Миша (уходя, говорит). Папа обещал мне сегодня принести нам переводных картинок.

(*Дверь, выходящая из внутренних покоев на террасу, закрывается и на сцене остается одна Екатерина Александровна. Мимо террасы против зрителей проходят под руку Николай Георгиевич и Елена*).

Елена. Боже мой, Количка!.. Как я счастлива, что ты приехал... я так ждала тебя... так ждала... *(Оба прижимаются друг к другу).*

(*Николай Георгиевич и Елена проходят в глубину сада и скрываются с глаз зрителей, а затем минуты две спустя снова появляются*).

Николай Георгиевич. Ленуся моя милая, как я счастлив... как я счастлив, что ты будешь моей женой... Какое великое счастье — обладать таким сокровищем, как ты, моя дуся.

(*На террасу выходит Мария. Елена и Николай Георгиевич, увидя ее, останавливаются*).

Мария. Вы здесь, господа? *(Спускается с террасы к ним).*

Елена и *Николай Георгиевич*. Да, да.

Николай Георгиевич. Просим пожаловать!

Елена. Как ты скоро... Молодчина. А вот, я очень медленно пишу письма.

Мария. О, я не люблю долго письма писать. Я написала и уже отослала с Фросей, чтобы опустила в почтовый ящик.

(*Все трое стоят против террасы в саду*).

Николай Георгиевич. А я вообще не люблю часто писем писать.

Елена (жеманясь). А мне вот часто писал.

Николай Георгиевич. Но ты — исключение... я твой раб до гроба... я готов на все жертвы... лишь приказывай.

Елена (*прижимаясь к нему).* Милый... дорогой... мой...

Мария. Как я рада, господа, что вы взаимно так любите друг друга и бесконечно счастливы. Дай Бог вам счастья до конца вашей жизни! От души желаю вам этого, от всего сердца.

Елена и *Николай Георгиевич*. Мерси, мерси!

Николай Георгиевич. Ну, что же?! Пройдемтесь по саду.

Мария. С удовольствием! Вся к вашимъ услугам.

(*Николай Георгиевич берет Марию и Елену под руки и уводит вглубь сада. Екатерина Александровна на террасе за столом усиленно тасует карты*).

Антракт 20 минут

Вечер. Горят лампы. Большой вместительный зал. В углу стоит пианино. За пианино сидит Елена. Около Елены стоит Николай Георгиевич и рассматривает ноты. На стульях в разных местах сидят: Сергей Васильевич, Лидия Павловна, Мария Васильевна, Екатерина Александровна, Миша и Петя.

Сергей Васильевич. Ну-с, дорогой мой, нет терпения ожидать! Начинайте, уж!..

Николай Георгиевич. Сию минуту. *(Обращаясь к Елене).* Ленуся! Вот, милая.

(*Раскрывает ей ноты. Елена аккомпанирует. Николай Георгиевич поет*).

Стойить гора высокая,
По пид горою гай;
Зеленый гай, густесенький,
Неначе справди рай.

А по пид гаем риченька,
Як скло вона блещить,—
Долыною зеленою
Кудись вона бижить.

У бережку, у затышку,
Де вяжуця човны,
Там дви вербы схилылыся,
Мов журяця воны.

Минеця любе литечко,
Настануть холода;
Осыпляця вси лысточки
Йих понесе вода.

Журюсь и я над ричкою;
Бижить вона, шумыть;
У мене ж мое серденько
И млие и болыть.

Ой, риченько, голубонько,
Як хвилички твойи,
Пробиглы дни счаслывыйи
И радощи мойи.

Спивають пташки весело
И риченька бижить;
У мене ж мое серденько
И млие и болить.

До тебе, люба риченька,
Ще вернеця весна,
А молодисть не вернеця
Не вернеця вона!*

(После окончания песни все хором: Браво! браво! браво).

Сергей Васильевич (*когда все умолкли).* Ради Бога, ради Бога, еще разочек!

Николай Георгиевич. Пожалуйста, пожалуйста!

(*Кланяется Сергею Васильевичу и исполняет песню вторично. После окончания все ему аплодируют и кричат: «Браво! браво! браво!»*)

Елена (целуя его, говорит). Милый, как дивно!..

Сергей Васильевич (тяжело вздыхая). Эх-эх-эх!! Сколько жизни, сколько чувств, господа, в малороссийских песнях. Не споете ли голубчик, дорогой мой, еще какую-нибудь, но только малороссийскую, только малороссийскую.

Николай Георгиевич (весело улыбаясь). С удовольствием, с удовольствием! Но какую же вам? А! вот, знаю! *(Роется в нотах и, показывая Елене, ставит ноты на пианино перед ней. Елена аккомпанирует, а он поет).*

Дывлюсь я на небо, тай думку гадаю,
Чому ж я не сокил? Чому не литаю?
Чому мени, Боже, ты крыльля не дав?
Я б землю покынув и в небо злитав.
Далеко за хмары, подали вид свиту,

* «Стойить гора высокая» — малороссийская песня. Издание С.Я. Ямбор. Положено на ноты Н. Макаровым.

Шукать соби доли на горе привиту
И ласки у соньця, у зирок прохать,
Себе в ясним свити людям показать...*

(*По окончании песни все ему аплодируют и кричат: «Браво! браво! браво!». Сергей Васильевич подходит к нему и целует его*).

Сергей Васильевич. Благодарю вас, дорогой мой, благодарю! С особенным удовольствием всегда слушаю ваше пение!..

Николай Георгиевич (кланяется ему). Очень рад, что доставил вам маленькое удовольствие. *(Обращаясь к Елене).* Ленуся, дорогая! А теперь ты спой что-нибудь.

Елена. А что, Количка?

Николай Георгиевич. Спой «Уголок».

Елена. Ну, хорошо!

(*Аккомпанирует себе и поет: «Дышала ночь восторгом сладострастья». По окончании все аплодируют ей и кричат: «Браво! браво!» Николай Георгиевич целует ее*).

Николай Георгиевич. Ленуся, дорогая, спой еще, пожалуйста, «Дремлют плакучие ивы»!..

Елена. Хорошо, милый!

(*Отыскивает в нотах романс «Дремлют плакучте ивы», аккомпанирует и поет*).

Сергей Васильевич (войдя в экстаз, приподнявшись). Эх, господа!!. Знаете ли, что!?. Давайте какую-нибудь хоровую двинем! Каждый, как сможет, подтягивать будет.

Николай Георгиевич (оживленно). Это дело!.. Вот это люблю!

Елена, *Мария*, *Миша*, *Петя*. Давайте, давайте споем хоровую!..

Сергей Васильевич. «Реве та стогне Днипр широкий» — знаете, господа?

Все (хором). Знаем! Знаем!..

Сергей Васильевич. Так затягивайте, Николай Георгиевич, и будьте нашим регентом. Я баском подтяну.

Николай Георгиевич. Идет! Пожалуйте все ко мне поближе, в полукруг становитесь!..

(*Все становятся возле него в полукруг, за исключением Екатерины Александровны, с улыбкой наблюдающей за ними*).

Николай Георгиевич (затягивает, а за ним и все).

Реве та стогне Днипр широкий,
Сердытый витер завыва,
До долу вербы гне высоки,
Горамы хвылю пидыйма.

И блидный мисяц на ту пору
Де-де з-за хмары выглядав,
Неначе човин в синим мори
То вырынав, то потопав.

Ще трети пивни не спивалы,
Нихто ниде не гомонив;
Сычи в гаю переклыкалысь,
Та ясень раз у раз скрыпив...

Сергей Васильевич. Здорово!.. Ей Богу, здорово спели!..

Все. Давайте еще одну споем!! Давайте еще одну споем!!

---

* «Дывлюсь я на небо» — малороссийская песня. Издание С.Я. Ямбор. Положена на ноты М. Шимко.

Сергей Васильевич. Ну, ладно, господа, тише! не галдите! Вот эту споем: «Золотыя удалыя — не немецкие, песни русские»...

Все (хором). Споем, споем эту! Знаем! Знаем!

Сергей Васильевич (обращаясь к Николаю Георгиевичу). Так затягивайте, дорогой мой!

Екатерина Александровна. Извиняюсь, что перебиваю, но должна сказать вам, господа, что «Реве та стогне Днипр широкый» вы прекрасно спели и напомнили мне Малороссию, мою родину.

Все (хором). Очень рады, очень рады, что вам понравилось!..

Сергей Васильевич. Ну-ка, дорогой мой, так затягивайте.

Николай Георгиевич (затягивает).

Что за песни, что за песни,
Распевает наш казак:
Ты хоть лопни, ты хоть тресни
Так не спеть тебе, пруссак
Золотыя, удалыя, не немецкие,
Песни русские, лихия, молодецкие!*

Сергей Васильевич. Ей-Богу, здорово! Прекрасно спели — хоть на сцену!

Все (хором отвечают ему). Правда, правда, хорошо!

Сергей Васильевич. Ну, а теперь можно и отдохнуть... *(Идет к стулу и зовет Николая Георгиевича).* Николай Георгиевич, идите, дорогой мой, ко мне,— посидим и покурим!..

Николай Георгиевич. С удовольствием!

(*Идет к нему; все остальные рассаживются по стульям. Николай Георгиевич садится около Сергея Васильевича, который достает портсигар и угощает его папиросой и сам закуривает*).

Петя (встав со стула). Папочка, мамочка, я хочу продекламировать Николаю Георгиевичу мое любимое стихотворение Плещеева «Горе птички матери» — можно?

Сергей Васильевич и *Лидия Павловна.* Можно, голубчик, можно! Молодец! Декламируй!

Николай Георгиевич (улыбаясь). Ну-ну, декламируй, голубчик... Слушаю тебя.

Миша. Только не спеши говорить, Петя.

Петя (*обиженно).* Знаю без тебя! Не мешай! *(Декламирует).*

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное на дереве гнездо,
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка, где ты?
А ты бы нас похолила, пока не оперились мы:
Как крылья отрастим — в долины,
Рощи тихие мы сами улетим!»
До тла сгорело дерево, до тла сгорели птенчики,
— Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка... ни птенчиков...
Поет-зовет, поет-рыдает и кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят...
Настала ночь; весь мир затих.

---

* Автор этой песни мне неизвестен; я позволил себе заменить в ней слово «Русь» — «казаком». А «француз» — «пруссаком».— Автор.

Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась до самаго утра...

(*Лидия Павловна достала платок и смахнула слезу, а Николай Георгиевич подошел к Пете и поцеловал его*).

Николай Георгиевич. Молодец! Благодарю тебя!

Мария и Елена. Молодец, Петя!

Екатерина Александровна. Иди, Петюня, и я тебя поцелую за стишок.

(*Петя подходит к Екатерине Алексаидровне, которая целует его*).

Сергей Васильевич. Да, молодец, молодец! Хорошо продекламировал. Лидия Павловна, маменька, даже слезу пустила.

Лидия Павловна. Да мне нисколько и не стыдно! Иди, Петичка, и я тебя поцелую. (*Целует подошедшего Петю).*

Елена. Количка, дорогой, милый... последняя просьба сегодня к тебе: будь так добр, если любишь...

Николай Георгиевич (ласково улыбаясь). Что?.. Что, милая?.. Пожалуйста! Весь к твоим услугам.

Елена (вполголоса). Дорогой Количка... Нищую — Беранже. Я буду тебе аккомпанировать. Бабушке понравится, да и я люблю.

Николай Георгиевич. Пожалуйста, дусенька, пожалуйста.

(*Елена подбегает к пинино и спешно роется в нотах. Находит романс «Нищая». К Елене подходит Николай Георгиевич. Елена аккомпанирует, а Николай Георгиевич мелодекламирует*).

Зима, метель, и в крупных хлопьях,
При сильном ветре, снег валит.
У входа в храм, одна, в отрепьях,
Старушка — нищая — стоит.
И, милостыни ожидая,
Она все тут, с клюкой своей:
И летом и зимой, слепая...
Подайте, Христа ради, ей!
Сказать ли вам, старушка эта
Как двадцать лет назад жила?
Она была мечтой поэта,
И слава ей венок плела.
Когда она на сцене пела —
Париж в восторге был от ней.
Она соперниц не имела.
Подайте, Христа ради, ей!
Бывало, после представленья
Ей от толпы проезда нет,
И молодость от восхищенья
Гремела «браво!» ей вослед.
Вельможи случая искали
Попасть в число ее гостей,—
Талант и ум в ней уважали.
Подайте, Христа ради, ей!
Святая воля Провиденья...
Артистка сделалась больна,
Лишилась голоса и зренья
И бродитъ по миру одна.

Бывало, бедный не боится
Прийти за милостыней к ней,
Она ж у вас просить стыдится.
Подайте, Христа ради, ей!
В то время,— торжества и счастья,—
У ней был дом, не дом — дворец,
И в этом доме сладострастьем
Томились тысячи сердец.
Какими пышными хвалами
Кадил ей круг ее гостей!..
При счастье — все дружатся с нами.
Подайте, Христа ради, ей!
Ах, кто с такою добротою,
В несчастье ближним помогал,
Как эта нищая с клюкою,
Когда Амур ее ласкал!
Она все в жизни потеряла!
О, чтобы в старости своей
Она на Промысл не роптала,—
Подайте, Христа ради, ей!

Екатерина Александровна. Ах, как прелестно! Как прелестно! Благодарю вас, благодарю!

Все (*хором*). Мерси! мерси!

Елена (целуя Николая Георгиевича). Добрый мой... послушный... хороший...

Екатерина Александровна (подымаясь, уходит и говорит). Спасибо всем за пение и декламацию. Все было прекрасно. Можно всю ночь слушать. Но я, уж, пойду: устала. Спокойной ночи! *(Кланяется всем и уходит).*

Все (хором). Спокойной ночи! спокойной ночи!

(*Миша и Петя подбегают к бабушке и целуют ее*).

Лидия Павловна. Миша и Петя, и вам уж пора спать! Идите, милые!

Миша и Петя. Хорошо, мамочка!

(*Желают всем спокойной ночи, целую всех и уходят. Сергей Васильевич и Николай Георгиевич после ухода Миши и Пети, взявшись под руки, ходят по залу и тихо о чем-то шепчутся. Николай Георгиевич несколько раз кивает головой в знак одобрения. Лидия Павловна, Елена и Мария сидят около пианино и тихо беседуют*).

Сергей Васильевич (громко). Ну-с, дорогой, пойдемте ко мне в кабинет и потолкуем кое о чем!

Николай Георгиевич. С удовольствием! Весь к вашим услугам!..

Сергей Васильевич. Спокойной ночи!.. *(Кланяется всем и уходит).*

(*Николай Георгиевич целует руки Лидии Павловне, Елене и Марии, всем желает спокойной ночи и уходит. Елена нагоняет его и целует в губы. На сцене остаются Лидия Павловна, Мария и Елена*).

Лидия Павловна (ласково улыбаясь). Это, Леночка, папа пошел беседовать с Николаем Георгиевичем насчет свадьбы.

Елена (взволнованно). Ах, мамочка, правда?!

Лидия Павловна. Да, да!

Елена. Ах, мамочка, как я сильно волнуюсь... мне даже худо... худо...

Мария. Леночка, нельзя же так волноваться. *(Подходит к ней и целует ее).*

Лидия Павловна. Ну, не волнуйся же так, милая деточка моя! Знаешь русскую пословицу: «Утро вечера мудренее», и посему пойдем спать, а завтра ты будешь в курсе дела обо всем, что тебя так волнует.

Елена. Ах, мамочка, пойдем, пойдем!.. У меня сильно голова кружится.

Лидия Павловна и Мария (*в один голос).* Да что с тобой?! Можно ли так волноваться?!

Елена (тяжело дыша). Ах, мамочка!.. Мурочка!.. Мне худо, худо...

Лидия Павловна и Мария (в один голос). Ах, Боже мой!.. Что с тобой?!

(*Берут ее под руки и уводят*).

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечер. Большой кабинет Сергея Васильевича. Стоит письменный стол. Над письменным столом висит портрет Государя Императора Николая II. В углу стоит небольшой гардероб. За письменным столом сидит Сергей Васильевич Коваленко и что-то пишет и считает на счетах. Ежеминутно он нервно схватывается за голову и качает головой.

Сергей Васильевич. Все рухнуло!.. погибло!.. Боже мой! Боже мой!.. Все погибло, все!.. Завтра позор!.. Спасенья нет!.. нет!.. И не будет!.. Все проиграл!.. проиграл!..

(*Сильно подергиваясь, плачет. Слышится стук в двери кабинета*).

Сергей Васильевич (достав платок и смахнув слезы). Войдите!

(*Входит Фрося*).

Сергей Васильевич. Что вам, Фрося?

Фрося. Господин Мельбаум пришли и хотят вас видеть.

Сергей Васильевич. Можно! Проводите его сюда. *(Закуривает толстую сигару).*

(*Входит Мельбаум. Небрежно подает руку и, поздоровавшись, садится, перекинув ногу за ногу*).

Мельбаум (*гордо приподняв голову).* Ну, как наши дела?

Сергей Васильевич (тихим голосом). Да, что же?! нужно еще два месяца обождать, Густав Густавович. Ради Бога!..

Мельбаум (с саркастической улыбкой и отвратительным смехом). Хо-хо-хо-хо. Это, уше, мне надоель... Дофольно икраться... я ведь фам не мальшик какой-нибудь!

Сергей Васильевич (нервно, резким голосом). Да этого вам никто и не говорит, что вы мальчик, и никто с вами и не играется, а я вас прошу, как человека, обождите, пожалуйста, ради Бога!.. Кто вас за горло давит?

Мельбаум. Охо-хо-хо-хо!.. Ви не кришит!.. я это не люпит!.. Если ви пудет кришит — я сичас уйтет! Ведь, ви снаете, что ви фесь мой... с холовы до ног. *(Откашливается и продолжает).* А он еще кришит тут!.. какой карячий!.. скашите, пожалуйст... *(смеривает Коваленко с ног до головы, презрительным взглядом).*

Сергей Васильевич. Но, Боже мой, поймите же, что сейчас у меня нет денег, а через два месяца они будут,— и я вам все отдам!..

Мельбаум. Какой мне дело, что у фас нет?.. мне ошинь нушен дэньги!.. Ви обещаль сиводня оттать мои дэньги... ви дал шестное слово!.. где же фаши слово?

(*Вопросительно и грозно глядит на Сергея Васильевича*).

Сергей Васильевич. О, Боже мой!.. Боже мой!..

Мельбаум (качая головой). Боши мой не помошит,— дэньги надо!..

Сергей Васильевич. Но я вас умоляю!.. умоляю!.. Ради Бога!.. *(Встает, прижимает руки к груди).* Ради Бога,— до первого августа!..

Мельбаум (резко и громко). Никахда! Никахда!.. панимайт?! Я шеловек коммерческий... я никакой Бог ни знает... Мне дэньги надо, понимайт!? Или савтра плохо пудет фам, милостифый государ. Хо-хо-хо-хо-хо!.. *(Смеется).*

Сергей Васильевич. О, какой вы варвар! Какой вы жестокий человек!..

Мельбаум (смеется). Хо-хо-хо-хо!.. Савсем ни прафда фаша: я ошинь тобри... *(Встает, подходит к Сергею Васильевичу, кладет ему руку на плечо и, окинув грозным взором весь кабинет, говорит ему на ухо тихо, еле слышно).* Вам нада дэньги?

Сергей Васильевич. О, Боже мой!.. Вы же знаете данное мое положение?! Зачем вы меня мучите и так жестоко издеваетесь надо мной?

Мельбаум. А сашэм так в карты играйт?.. Не нада карты ихрайт. А дэньги я там еще... там... понимайт?

Сергей Васильевич (оживившись). Что я слышу!? Что вы говорите?!. Неужели?!. Боже, как я вам буду благодарен!.. Ведь я вам отдам!.. все отдам!.. до копеечки!.. Вот только дочку выдам замуж,— муж ее и займет мне двадцать тысяч, я ему это в условие уже поставил, и он согласился, а сейчас, до свадьбы, взять у него никак невозможно...

Мельбаум (машет рукой на Коваленко и говорит). Пастойте... пастойте, это мне ни интересно снайт... Слушайт: дэньги я фам дам еще,— тесять тысяш.

Сергей Васильевич. О, как вы великодушны! Как добры!..

Мельбаум. Не спешит сильно хвалит меня, а слушайт: дэньги я там, тесять тысяш и фесь фаш долг: вехсель и исполнительны листы,— фсе пайтет на уништожение, на смарка... но... *(очень резко)* но... мой мили гаспадин Кафаленко...

Сергей Васильевич (перебивая его, удивленно). Что такое?! Не понимаю! Как это понять,— долг на смарку? Дам еще десять тысяч!.. Объясните, ради Бога, Густав Густавович!

Мельбаум. Толго объяснят нешиво, вот что, слушайт; фи помнит, я фас встретил с гаспадин артиллерийский официр?.. Ви помнит, ви гаварил, што это фаш камрад, тафариш? Ви помнитъ, ви гаварил мне, што этот официр слюжит в Гродненский крэпость,— помнит?

Сергей Васильевич (смахивая платком выступивший на лбу пот). Да, да!.. помню все!.. Но при чем все это и мой товарищ?

Мельбаум (ехидненько смеется). Хо-хо-хо-хо!.. Ошинь, милий, при шем!.. ошинь при шем!..

(*Сергей Васильевичъ нервно встает и пожимает плечами*).

Сергей Васильевич (тихо, но резко). Так вот в чем дело!.. Вы кроме ростовщичества — шпион!.. шпион!.. О, Боже мой, Боже мой!.. *(схватывается левой рукой за свою грудь и тяжело дышит).*

Мельбаум (смеется). Хо-хо-хо-хо!.. Зашем такой трама, гаспатин Кофаленко? Зашем?

Сергей Васильевич (берется за голову и восклицает). О, Боже мой, Боже мой!..

Мельбаум. Ну, а фсе-таки, каспатин Кофаленко, ви угадал, хто я еще... малатец, малатец!.. Хо-хо-хо-хо!.. *(Смеется).* Что ше касается тафо, што если ви мене претаст шантармы, то из этого ровно нишего не фийдет. Докасательств нет и нишего у мене ни найтут. Не тумайте, милый, што я такой хлюпий... Нет, я сказал пи шантармы, што фи толшен мне мнохо и не мошет саплятить и показал пи фсе ваши вехселя и испольнительны листы и скасал пи, што фи на мэня клефещите и мнэ пи нишефо нихто не стелал пи. А фот, если ви умный шалавэк и немношко китры, то путет кароши дело, и волки путут сит и овцы не путут калодни. Панимайт, милый мой, в шом дело?

Сергей Васильевич (дрожащим голосом). Почти все понимаю, но поясните точно.

Мельбаум. Карашо, я вам все поясню тошно,— слушайт: я вам там тесят тысяш, а ви мне в опезпечение татите вехселей на тватцать тысяш, и ви савтра ше паетете в Гродно к сфой тафариш; там у нефо ви пакастите тней шесть, земь, не польше! и прифесете мне фатакрафически снимки вся крэпости, и фсе секрэт крепости ви, милый толжны тля меня расуснайте при помощи фаш труг. Поняли, милый мой?

Сергей Васильевич (нервно). Понял! понял!! Что дальше? Говорите!

Мельбаум. Такда, какда ви приедете и отдатите мне все это в фашем капинете, я в свою ошередь оттам фам все вехселей и испольнительны лист, и, кроме тафо, таме фаме еще налишны деньги тватцать тисяш, а сишас на расход, кутеш, поестку там тесять тисяш. Фот, милый мой, какой кароший камершеский дело ви стелайт, если ви умный и китри немношко. *(Повышая голос).* А если нет... не сокласны на мой претложений и услофий, то савтра же, в твенатцать шасов тня я приесшайт к фам с гаспатин сутепный пристаф, все описует и протает, и ви со свая семья путет расорон и толжны путете в скором фремени покинуть свой томик, так как он путет протан, как и фсе фаши имушество — и твишими и нетвишими. Отним словом, фам путет сафсем плохо. Поняли теперь фсе, милый мой? Хо-хо-хо-хо-хо!.. *(смеется раскатистым смехом).*

Сергей Васильевич. О, Боже мой!.. Боже мой!..

Мельбаум. Опять Поже мой!.. Поже мой не помошет фам. Фам, милый мой, нушны не Поше мой, а ум и немношко китрость.

Сергей Васильевич (вскочив со стула, кричит громко). Нет! Никогда! (*Сильно повышая голос).* Понимаете ли?! — никогда!

Мельбаум (встает и уходит, говоря). Как катите, тарагой, как катите, но сматрите, путете шалейт, да потом постно путет! Потумайте!

Сергей Васильевич. Будь, что будет! Я вас не предам, но никогда, никогда, не продам родину и не изменю своему Государю, которому верой и правдой прослужил много лет! *(Сильно топнув ногой и ударив кулаком по столу).* Слышите, милейший?! Описуйте и продавайте!

Мельбаум (стоя у дверей кабинета). Карашо, карашо... как катити, мошете и фидать, и сепя этим пакупить, а не меня... Я путет тома до твенатсати шасов ноши; через шас я пришлю к фам сфой зекретарь са отфет; ви ему татите письменный отфет.

Сергей Васильевич (громко и резко). Еще раз повторяю вам, что я не подлец и не предам своего Государя и родину... Никаких секретарей прошу не присылать и прошу оставить меня в покое и оставить мой кабинет!..

Мельбаум (саркастически смеется), Хо-хо-хо!.. Это ошинь кромкий слофа!..

Сергей Васильевич (сильно топнув ногой). О, варвар!.. Уходите! или я за себя не ручаюсь!..

Мельбаум (открывает дверь и говорит, уходя). Укажу, укажу, но за отфет фсетаки пришлю сфой зекретарь; я снаю, что ви отумаетесь, кохта немношко успакоитесь... До скори свидани. *(Кланяется и уходит, плотно закрыв за собою дверь).*

(*Сергей Васильевич запирает двери кабинета и становится на колени в углу, перед образом и громко молится*).

Сергей Васильевич. Боже, помоги мне!.. Боже, помоги мне!.. Услыши мою молитву и помоги!.. помоги мне, недостойному рабу Твоему!..

(*Встает, крестится и идет к гардеробу, отпирает его и вынимает из него парусиновый чехол, развязав который, он вынимает из него старый парадный мундир штабс-ротмистра с орденами и прижимает его к груди*).

Сергей Васильевич (громко и сильно рыдая). Запятнать свое доброе имя и мундир!.. Нет!.. Нет!.. никогда!.. никогда!.. Лучше смерть!..

(*Целует мундир и ордена и прячет его в гардероб, сильно качая головой и неоднократно тяжело вздыхая. Спрятав мундир, он берется рукой за сердце; взлезает на письменный стол и, прильнув головой к портрету Государя Императора, держит его обеими руками и целует*).

Сергей Васильевич (сквозь обильно льющиеся слезы). Никогда!.. никогда не изменю Вам и родине, Ваше Императорское Величество!.. Клянусь!.. Клянусь!..

(*Целует портрет Государя и сходит со стола; затем достает носовой платок и смахивает слезы*).

Сергей Васильевич (взявшись за голову). Миша!.. Петя!.. Леночка!., детки мои дорогие!.. Лида!.. мамочка моя дорогая... О, как мне вас жаль, как жаль!.. Боже мой, Боже мой!.. что я наделал, что я наделал!.. *(Сжав кулаки с большим ожесточением).* О, проклятые карты! до чего вы меня довели!.. До чего вы меня довели!.. Но... я умру, как честный человек!.. Семью Бог не оставит своею милостью... Николай Георгиевич спасет их... будет кормить всех, у него кое-как хватит средств... *(Сильно повышая голос)...* А этого негодяя, рыжего немца, своим судом... убью!.. Деньги, десять тысяч, которые он мне дает, запечатаю в конверт с письмом на имя прокурора... Деньги, которые этот негодяй даст мне... даст, чтобы я изменил своему Государю-Батюшке и родине!.. *(Садясь за стол).* Сейчас приготовлю конверты и письма семье моей и прокурору...

(*Садится и пишет; слышно его рыдание; он часто смахивает платком слезы, которые обильно льются из его глаз и мешают ему писать*).

Сергей Васильевич (встав со стула). Готово! Подписал себе и Мельбауму смертный приговор... *(Смотрит на часы).* Но как странно!.. как странно!.. Жить осталось каких-нибудь два часа!.. *(Крестится, глядя на образ).* Господи, прости меня!.. О, прости меня, великого грешника!.. недостойного раба Твоего, Господи!.. Господи, прости!.. *(Плачет).* К семье не выйду,— слишком тяжело... *(Плачет).* Как я буду смотреть на них?.. Я разрыдаюсь... не удержусь... и весь мой план рухнет!.. Я сказал им сегодня за чаем, что у меня вечером будут деловые люди и чтобы они меня не беспокоили. А сейчас вот пошлю Федора за Мельбаумом...

(*Слышен стук в дверь кабинета*).

Сергей Васильевич. Кто там? Сейчас открою!

Голос Фроси (из-за двери). Это я, барин!

(*Сергей Васильевич, смахнув с лица слезы, отпирает дверь и впускает ее*).

Сергей Васильевич. Пришел ко мне кто-нибудь?

Фрося. Да, пришли молодой человек от господина Мельбаума.

Сергей Васильевич. А!.. ну, вот и отлично, не нужно и посылать за ним! Проведите ко мне этого молодого человека!

Фрося. Слушаю-с, барин! *(Уходит).*

(*Входит секретарь Мельбаума — Миллер. Сергей Васильевич де-лает вид, что он весел и жизнерадостен.*)

Сергей Васильевич. Здравствуйте, молодой человек!

Миллер (хорошо, чисто говорит по-русски). Здравствуйте, господин Коваленко!

Сергей Васильевич. Присядьте, пожалуйста! Покурим!

Миллер (не садясь). Извиняюсь, господин Коваленко, очень благодарен вам, но положительно не имею времени, ибо мой патрон ждет ответа и находится сейчас у входа в ваш дом.

Сергей Васильевич (жизнерадостно). Ах, вот как! Прекрасно! В таком случае, не смею задерживать вас, идите и передайте Густаву Густавовичу, что я жду его и что все, что он просил, сделано мною!

(*Не успел Миллер откланяться, как в незапертую дверь кабинета вошла Елена в вечернем легком туалете*).

Елена. Ах, папочка, ты не один!? Прости меня!

Сергей Васильевич. Леночка, нельзя же без спроса входить ко мне в кабинет, когда у меня бывают по делу посторонние люди,— это не хорошо, милая! Уходи!

(*Миллер впился глазами в Елену и любуется ее красотой*).

Елена (убегая). Прости, дорогой папочка!

Миллер (улыбаясь). Как вы строги к своей очаровательной дочери!

Сергей Васильевич (нервно). Ах!! Так и надо!

Миллер (кланяясь). До свиданья! Я ухожу!

Сергей Васильевич. До свиданья! Скажите же Густаву Густавовичу, что я жду его!..

Миллер. Слушаю, господин Коваленко. *(Кланяется и уходит).*

(*Сергей Васильевичъ достает из ящика письменного стола револьвер и, тщательно осмотрев его, прячет в карман и затем крестится. Слышен стук в дверь*).

Сергей Васильевич. Можно! Войдите! (*Входит Фрося*).

Фрося. Барин, к вам опять господин Мельбаум пришли! Могут они вас видеть?

Сергей Васильевич. Да, проводите его сюда! А что делают все наши?

Фрося. Собираются ужинать, барин; хотели за вами посылать, но увидели, что к вам господин Мельбаум пришли, и приказали мне не беспокоить вас.

Сергей Васильевич. Да, да... скажите, пожалуйста, им, что я просил не беспокоить меня; я сам приду, когда уйдет Мельбаум...

Фрося. Слушаю-с, барин! *(Уходит).*

(*Сергей Васильевич молча ходит большими шагами по кабинету. Слышны лишь его тяжелые вздохи. Входит Мельбаум*).

Мельбаум. А фот и я! *(Улыбается).*

Сергей Васильевич. Очень рад! Садитесь, пожалуйста!

Мельбаум. Мошно, мошно! *(Садится).*

Сергей Васильевич (*старается не выдать себя и быть веселым и спокойным).* Обо всем подумал: я в ваших руках!.. На все согласен!..

Мельбаум (смеясь и потирая руки). Хо-хо-хо!.. Это дело! Малячина ви!.. В таком слючай ми с фами трузья!

(*Жмут друг другу руки*).

Мельбаум (вынимает из бокового кармана сюртука вексельные бланки). А фот и фексельны планки!.. Подпишите их!..

Сергей Васильевич. С большим удовольствием! *(Подписывает).*

Мельбаум. Так пи и тафно!.. Это дело!..

Мельбаум (отсчитывая вынутые из бумажника деньги). Проферьте, пошалюста!

Сергей Васильевич (проверив деньги). Правильно, Густав Густавович!

(*Мельбаум самодовольно прячет векселя, подписанные Сергеем Васильевичем в большой бумажник и затем кладет бумажник в боковой карман своего сюртука*).

Мельбаум. Так ви, колюпчик, пошалюста, савтра же и высшайт, и как только восфратитесь опратно,— неметленно висовите меня к сепе.

(*Сергей Васильевич быстро подымается из кресла, выхватывает из кармана револьвер*).

Сергей Васильевич (наведя револьвер на грудь Мельбаума). Нет, негодяй!.. Среди русских офицеров ты не найдешь предателей и изменников Царю и родине!.. Умри же, подлый шпион!!

(*Стреляет. Мельбаум падает, как скошенный, без звука и стона. Сергей Васильевич спешно вкладывает деньги в конверт, предназначенный для прокурора, и запечатывает его, с испугом озираясь на дверь кабинета*).

Сергей Васильевич (приставив револьвер к своей груди). Боже, прости меня!.. прими душу грешника!..

(*Стреляет себе в грудь и падает в кресло. В этот момент вбегают Полешко, Елена, Мария и Лидия Павловна, а за ними Миша и Петя. Полешко останавливается с разведенными руками и молча глядит, с выражением ужаса и испуга*).

Елена (вскрикивая и бросаясь к отцу). Папочка!.. Папочка, дорогой!! Тебя убили!..

(*Берет отца за руку и глядит ему в глаза*).

Елена. Папочка!.. Папочка, дорогой!..

(*Миша и Петя, склонившись и обняв ноги отца, безумно рыдают. Мария Нечипоренко и Полешко молча глядят на все и дрожат. В кабинет входит Екатерина Александровна, переваливаясь с боку на бок*).

Лидия Павловна (вначале остолбеневшая, приходит немного в себя и бросается к мужу с криком). Сергей Васильевич! Сережа! Сережа! Ты жив еще? Тебя не убили?.. Сереженька, Сереженька!.. Скажи же, ради Бога, скажи же мне хоть одно слово!.. *(Обнимает его, рыдая).*

Николай Георгиевич (*стремительно убегает и кричит).* Я еду за доктором!

Сергей Васильевич (*тихо говорит отрывистым хриплым голосом).* Лидочка... мамочка... дети... дорогие... Я... я... убил негодяя... шпиона... Мель... баума... и... и... сам... застрелился... Я не захотел... не захотел... изменить... изменить... Государю и ро... дине... Там... на столе... в письме все... все... про... прочитаете... мои дорогие, а другое письмо про... прокурору... не вскрывайте... прокурор... сам вскроет... ой... ой... тяжело ды... дышать... Простите... простите... меня я... я... умираю... умираю!.. Доктор меня не спасет уже... ой, ой... Боже... прости меня!.. прости!.. Прощайте!! Про... щайте... мои дорогие... поцелуйте... в последний раз...

(*Входит Дуня и Фрося, с ужасом глядят и рыдают. Екатерина Александровна, до сих пор с ужасом глядевшая на все, бросается к сыну, падает, поднимается и спешно, насколько позволяют ей старческие силы, бежит к сыну*).

Екатерина Александровна (*обнимая Сергея Васильевича).* Сережа! Сережа мой дорогой! Сын мой дорогой! (*Целует его).* Сереженька!.. Сереженька!.. Зачем ты это сделал?.. Зачем бросаешь меня и семью?.. (*Захлебывается слезами).*

Сергей Васильевич (*с большим трудом, отрывисто, но ясно говорит).* Мамочка... дорогая... прости... и... и.... прощайте... дайте... я... поцелую вас... тебя... тебя, мою милую... добрую мать... и... и... детей... скорее... умираю... (*Целуется с матерью).*

(*Екатерина Александровна с трудом отрывается от сына и падает без чувств на руки подошедшей к ней Фроси*).

Лидия Павловна (*целует мужа в губы и руки).* Сережа... Сереженька, что ты сделал? О, Боже мой, что ты сделал?.. На кого ты нас оставляешь?.. Сереженька, дорогой, ты ведь так любил свою Лиду!..

Сергей Васильевич (тихо плачет и еле говорит). Прости, дорогая... Лида... Дай... поцелую.... тебя, дорогая... в последний раз... деток... смерть...

(*Целует Лидию Павловну. Лидия Павловна целует ему руки, а затем поднимает к его губам Петю, которого Сергей Васильевич благословляет и затем целует Мишу и Елену, благословляя сильно дрожащей рукой. Мария Нечипоренко падает в обморок. Елена и Лидия Павловна прижались к Сергею Васильевичу с боков; Миша и Петя обхватили колени. Все громко рыдают*).

Сергей Васильевич. А Николай... Георгиевич?.. хочу и... с ним... попрощаться... и с Марией Вас... Васильевной.

(*В этот момент вбегает Николай Георгиевич, а за ним доктор*).

Николай Георгиевич (запыхавшись). Вот и я с доктором.

Лидия Павловна. Пусть доктор обождет!.. Подойдите скорее к мужу,— он хочет проститься с вами... *(Плачет).*

(*Николай Георгиевич быстро подходит к Сергею Васильевичу и целуется с ним. Мария Нечипоренко не подходит: как ее, так и Екатерину Александровну Федор, Дуня и Фрося приводят в чувство*).

Сергей Васильевич. Про... щайте... спас... ите мою... семью...

Николай Георгиевич. Клянусь до гроба быть с ними и заботиться о них! Благословите меня и Елену.

Сергей Васильевич. Хо... ро... шо...

(*Елена и Николай Георгиевич становятся перед ним на колени, и он с трудом крестит их*).

Сергей Васильевич. Бла... го... сло... вляю... И про... щай... те... все... дорогие... ох, ум... и... раю...

(*Быстро подходит доктор, расстегивает у Сергея Васильевича жилет и, припав головой к его груди, слушает, держа за руку*).

Доктор (перекрестившись). Все кончено!..

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(*Утро. Вся семья Коваленко, Мария и Николай Георгиевич сидят в столовой. На столе стоит самовар; чай отпит. Все в траурных черных платьях*).

Николай Георгиевич. Пока я жив, всю силу, энергию и средства я отдам и посвящу, дорогая Лидия Павловна, всей вашей семье. Бог послал вам всем и мне тяжкое испытание, но что делать!.. что делать!.. А тут вот война еще!.. Все жители Калиша в страхе покидают город... бегут... уезжают. Вчера я слыхал, говорили, что ежедневно в городе могут появиться пруссаки и завладеть им.

Лидия Павловна. Ах, Боже мой!.. Господи, какой ужас! Что же мы будем делать?

(*Плачет, а за нею и все*).

Лидия Павловна (захлебываясь слезами). Не успели... похоронить Сергея Васильевича, а тут опять новое несчастье!.. Боже мой, Боже мой!..

Елена. Количка! А ты нас не оставишь, не покинешь?

Николай Георгиевич. До гроба я ваш и с вами! *(Подходит и целует ее).*

Николай Георгиевич (целуя руку Лидии Павловны). Лидия Павловна! Дорогая Лидия Павловна! Возьмите себя в руки и успокойтесь! Я понимаю, как велико ваше горе, но перенесите его с мужеством!.. На все воля Божья!

Лидия Павловна. Ох, тяжело, тяжело!.. *(Сильно плачет).*

(*В столовую вбегают Фрося и Федор, сильно запыхавшись*).

Фрося. Барыня! Дуня прибежала с базара и ничего не купила... В городе везде кричат и плачут... Все бегут и уезжают из города... Все лавки закрыты... Все кричат, что немцы входят в город.

Все (хором). О, Боже, какой ужас! Какой ужас!

Федор. Я, барыня, позапырав и хвиртку, и ворота, и сарай.

(*Слышатся крики и выстрелы. Все в ужасе переглядываются и крестятся*).

Елена. Что это, Боже мой!?

Лидия Павловна. Федор, закрой скорее ставни в окнах.

Федор. Боюсь, барыня, йты на двир.

Лидия Павловна. Ах, Боже мой! Боже мой!

(*Миша и Петя начинают плакать и прижимаются к матери. Выстрелы и крики слышны еще сильнее. Вбегает Дуня*).

Дуня. Барыня! Барыня! Господа мои дорогипе!.. Боже мой!! Сейчас я видела в окно, как три какие-то человека, как пожарные, одетые, погнались мимо нашей калитки за какою-то девушкой!

Лидия Павловна. А вы, Дуня, заперли кухонную дверь?

Дуня. Заперла, барыня.

Николай Георгиевич. Господа, успокойтесь, ради Бога! Если и действительно уже немецкие войска вступили в город, то ведь они мирных жителей не будут обижать.

Магазины, быть может, разграбят, да и то едва ли,— ведь они же не дикари, а европейцы! Не надо, господа, так волноваться... А что касается того, что сейчас Дуня видела и поведала нам, то возможно, что эта девушка или женщина задела кого-нибудь или оскорбила, вот ее и ловят за это и кричат... Выстрелы же, что слышны, я объясняю тем, что немецкие войстка действительно вступили и на радостях, что они вошли в русский город и заняли его, стреляют в воздух.

Екатерина Александровна. Господи!.. Царица Небесная!.. Помогите нам!

(*Крестится, а за нею и все крестятся*).

Елена (глядя в окно). Боже мой!.. Что я вижу?! Что я вижу?! Ах!

(*Все бросаются к окнам и моментально отсканивают. Слышны выстрелы*).

Лидия Павловна. Убивают! Убивают! Напротив нашего дома, во дворе, это немцы ве касках... Ах, Боже мой!.. ах, Боже мой!..

Николай Георгиевич. Господа! Становитесь все на колени и будем Богу молиться. Быть может, они минуют наш дом... У меня-то есть защита — охотничье ружье и дробовые патроны, но сопротивление оказывать едва ли есть смысл,— их много, ведь, полки, наверное...

Лидия Павловна. О, конечно! конечно! Боже вас избави, голубчик, сделать это,— еще хуже тогда будет нам,— всех поубивают! А так... быть может, они и не обидят нас.

(*Слышен сильный стук в дверь террасы; стук повторяется все сильнее и сильнее; слышны грубые голоса*).

Все *(хором).* Боже! Боже! Помоги нам!.. спаси нас!.. защити!..

(*Все стоят на коленях и крестятся. Помолившись, встают*).

Лидия Павловна. Быть может, господа, лучше открыть дверь стучащим?

Николай Георгиевич. Боже избави!..

Елена (в страшном испуге). Господа! Господа! Смотрите: в наши окна немцы в касках глядят, а вот, в крайнее окно смотрит кто-то в кепке... я его где-то видела...

(*Все с выражением страшног ужаса и испуга на лицах глядят в окна. Слышен звон разбиваемых стекол. В окна влезают немецкие солдаты и господин в кепке — секретарь Мельбаума, Миллер,— с огромною вязкой веревок. Всех влезших солдат девять человек*).

Один из немецких солдат. Ах, ви шерти польосаты, вот ви кде! Тумали не найтем вас?

(*Три солдата подходят к Николаю Георгиевичу и, поощряемые Миллером, связывают его принесенными Миллером веревками и привязывают во весь рост к буфету. Другие три солдата связывают и рядом с Николаем Георгиевичем привязывают сильно дрожащего Федора, раскрывшего с испуга рот и бессмысленно глядящего на них*).

Миллер (обращаясь к женщцинам). Не кричите и сидите и стойте смирно,— вам ничего худого сделано не будет. (*Саркастически улыбается и пожирает глазами Елену).*

Елена (плачет). Ради Бога! Молодой человек! Если это от вас зависит,— прикажите, пожалуйста, чтобы моего брата и нашего сторожа развязали... Я ручаюсь за них, они будут смирно сидеть... умоляю!.. умоляю вас!.. сделайте великое одолжение!..

Миллер. Это будет сделано потом... Погодите и потерпите немножко. *(Злорадно улыбается).*

Елена (смахивая платком слезы). Ах, как я вам буду благодарна!..

Миллер (глядя на нее). Какая, однако, вы душка! *(Подходит к ней ближе и нахально любуется).*

(*Елена с испугом глядит на него. Солдаты-немцы приготовляются к кутежу. Миллер схватывает ее, обнимает, облапивает, прижимает к себе и страстно целует. Елена пытается вырваться, но безуспешно*).

Николай Георгиевич (видя это, кричит). Негодяй! Подлец! Оскверняешь беззащитную девушку! Как это подло и низко!..

Миллер (поднимает гордо голову, выпускает из своих грубых объятий Елену, подбегает к Николаю Георгиевичу и кричит). Кто негодяй!? Кто негодяй!? *(Плюет в лицо Николаю Георгиевичу и изо всей силы ударяет его ногой в живот).*

Николай Георгиевич. Ой!.. о-о-о-й!.. Боже мой!..

Миллер. Что, больно? Ай, говоришь! Замолчи, негодяй! *(Грозит кулаком Николаю Георггевичу).* Я тебе!.. русская свинья!..

(*Миллер отходит от Николая Георгиевича и подходит к молодому солдату,— старшему над всеми, судя по нашивкам и по тому, как все остальные его слушают,— и шепчется с ним о чем-то, а затем этот солдат приказывает двум солдатам увести в соседнюю комнату и запереть на ключ Екатерину Александровну, Мишу и Петю, что последние и приводят немедленно в исполнение, взяв за руки Мишу, Петю и Екатерину Александровну и уводя их*).

Миша и Петя (кричат). Мамочка! Дорогая мамочка! Ай! Ай! *(вырываются, но их угощают пинками).*

(*Лидия Павловна бросается к детям; ее схватывает толстый солдат и прижимает к себе*).

Немец (грубо облапив Лидию Павловну). Хороши папа... крепки...

Лидия Павловна. Негодяй! Варвар!

(*Немец усаживает ее на стул, берет ружье и грозит прикладом, держа ружье над ее головой. Один из солдат достает последнюю бутылку вина из кулька, принесенного им из города в дом Коваленко, и, откупорив, ставит на стол. Все пьют по первому стакану; пьют чайными стаканами. Старший солдат, указывая рукой на Фросю и Дуню, приказывает пятерым солдатам окружить их. Солдаты, сильно охмелевшие, шатающиеся, немедленно исполняют его приказание. Трем остальным солдатам он приказывает окружить Лидию Павловну, а сам подходит к Марии и закручивает свои усы а-ля Вильгельм. Кивком головы дает знак Миллеру, который подходит, сильно шатаясь, к Елене и, заложив за спину свои руки, пристально глядит ей в глаза*).

Николай Георгиевич. О, Боже мой, Боже мой!.. Что они хотят делать?.. О, Боже, Боже!..

Федор. Воны насыльнычать, мабуть, будуть... Господы, Господы!.. Лучше б умерты, та на бачыть!.. Прокляты изувиры!..

Миллер (шатаясь и глядя на Николая Георгиевича, заплетающимся языком, не отходя от Елены, говорит). Согласно распоряжению германского императора Вильгельма Второго, ваша невеста будет сейчас временною моею женой, а остальные женщины будут женами других здесь присутствующих, а вы будете наблюдать, хорошо ли ваша невеста будет исполнять супружеские обязанности...

Николай Георгиевич. Негодяй!.. Подлец!..

(*Силится, как и Федор, разорвать туго связанные веревки*).

Все женщины (*кричат)*. Ах!! Ах, Боже мой!

(*Елена пытается убежать. Миллер схватываетъ ее, разрывает кофточку и валит на пол. Все солдаты валят женщин на пол. Слышны душу раздирающие крики и неистовый хохот и гоготанье немцев*).

Занавес

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА

Наглумившись, произведя насилие над женщинами и истязание, немецкие солдаты, во главе с германским подданным Миллером, убив всех женщин, детей и мужчин, покинули дом Коваленко, обагрив его кровью мирных граждан и разграбив, что полегче и ценнее. Всюду лежат опрокинутые и изломанные столы и стулья; в окнах повыбиты все стекла. Всюду по полу валяются разбросанные бутылки и стаканы.

С распущенными, всклоченными волосами, в различных позах и местах, лежат жертвы злодеев, извергов, негодяев-пруссаков. Лидия Павловна, Елена, Мария, Фрося и Дуня,— все обесчещены и убиты... Николай Георгиевич и Федор, привязанные к буфету, также мертвы,— расстреляны. Миша и Петя лежат убитые с распростертыми ручонками. Не позабыли негодяи убить и Екатерину Александровну: она лежит с раздробленной головой. В нескольких местах лежат отрезанные жестокими варварами женские груди.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ПОСЛЕДНИЙ ГРАФ ИМПЕРИИ

Я хотел оживить мой пустынный приют
Звучным словом твоим, полным слез и огня;
Все мне чужды они, что со мною живут;
Жизнь далекой могилой глядит на меня...

А. Шопенгауэр «К Канту»*

◆ Поясняя мотивы написания стихотворения «К Канту», Артур Шопенгауэр оставил такую запись: «*День, когда умер Кант, был так безоблачен и ясен, как редко бывают у нас дни; на лазурно-голубом небе летело только маленькое легкое облако в зените. Рассказывают, что один солдат обратил на него внимание окружающих и сказал, что это душа Канта, которая летит к небу*».

...Николай Андреянович захлопнул объемистый синий том из «Библиотеки поэта», улыбнулся, вспомнив, как тридцать лет тому назад купил его в букинистическом магазине, что среди книголюбов почиталось большой удачей: поэтическая серия высоко котировалась у любителей поэзии, но особенно — у перекупщиков-спекулянтов.

Читывавший неоднократно Шопенгауэра, правда, не систематически — за томом том, а в отрывках и антологиях философской мысли, Николай Андреянович, тем не менее, хорошо понимал суть знаменитого учения о мире как воле и представлении... Казалось — и душу великого мыслителя он хорошо осознает, вернее, воссоздает, как скульптор, при чтении его книг, а особенно стихов. Более того, сам франкфуртский отшельник приоткрыл свою душу в стихах. Как понимал Николай Андреянович, Шопенгауэр чувствовал себя глубоко одиноким, как только может быть одиноким в этом мире человек, мыслитель, осознавший сущность невеселого бытия в этой жизни. А уход Канта, с которым Шопенгауэр не пересекся во времени на грешной земле, но которого он полагал единственным духовным родственником, до предела усилил одиночество посвященного.

Николай Андреянович, вдохновляясь, все дальше и глубже развивал внезапно возникшую мысль, обобщая ее. Не только мыслители, своей мудростью понявшие сущность мироздания, глубоко печальны и одиноки, но ведь и герой в момент совершения своего подвига отстранен от всех людей, даже тех, ради которых он принимает муку. Вспомните евангельские описания страданий Христа пред распятием? — Правильно, более всего он мучился от сознания своего одиночества...

---

* Из книги «Поэты 1880—1890 годов» (Библиотека поэта; большая серия).— Л.: Советский писатель, 1972. Перевод стихотворения «К Канту» И. О. Лялечкина.

Это уже потом, кого год, кого поколения, а иного и вечность, будут помнить и славословить, но в смертный час герой одинок. И к чему такие мысли пришли к Николаю Андреяновичу? Этого он сам себе объяснить пока не мог. Пока не мог.

◆ С той памятной зимней поездки в командировку в Москву Николай Андреянович возобновил знакомство с бывшим сослуживцем, а ныне университетским профессором Сергеем Викторовичем Небогатых. А ближе к лету они и вовсе по воскресеньям начали прогуливаться по парку; как говорится, собеседники нашли друг друга. А как-то к ним присоединился еще один университетский профессор, также некогда работавший в НПО «Меткость», преподававший биофизику на недавно созданном биологическом факультете: Ямщиков Андрей Тимофеевич. Впрочем, присоединился совершенно случайно: шел по своим неспешным делам через парк — спрямить дорогу — и увидел гуляющих, бывшего и нынешнего коллег.

Тройственная беседа получилась интересной, даже без захода в ближнюю к парку рюмочную. Особенно для Николая Андреяновича, далекого от университетской жизни; а бывший технический институт, где некогда он учился, претерпел за последние десять лет такие кардинальные изменения, что Николай Андреянович только головой в изумлении крутил, поочередно слушал то шедшего справа Небогатых, то мрачно острившего слева Ямщикова. Особенно он прислушивался к словам Андрея Тимофеевича как представителя самого, пожалуй, диковинного факультета в прежней кузнице военно-технической науки.

Так получалось, по словам Ямщикова, что факультет, готовя по университетской программе биологов широкого профиля — от будущих школьных учителей до сотрудников медико-биологических научно-исследовательских учреждений,— тем не менее, как это принято в классических университетах, избрал и свою специализацию. Точнее говоря, их появилось сразу три: изучение и культивирование особо ядовитых пресмыкающихся, опять же изучение, но только в историко-эволюционной ретроспективе, летающих ящеров-птеродактилей и, наконец, акклиматизация гигантских бразильских тараканов *Murarbu grandiosus*...

— Это почему же такие, мягко говоря, странные направления? — невежливо перебил собеседника изумленный Николай Андреянович.

— А сейчас наука, да и само высшее образование, на самоокупаемости. Вот выиграли с помощью столичных знакомцев три долгосрочных гранта от международных научных обществ — и отрабатывают. Впрочем, какая разница? Все одно выпускники в школы не пойдут, НИИ биологических в радиусе ста верст вокруг не имеется... вот и двинутся в мелкооптовую торговлю, вольются, так сказать, в средний класс. А он-то, как говорят наши выдающиеся экономисты-министры, и возродит Россию... до уровня Камбоджи или Никарагуа, как я полагаю.

Впрочем, как продолжил далее Андрей Тимофеевич, на фоне обычной для провинциальных вузов преподавательской серединки: доцентов-трудяг и доцентш-интриганок, есть на факультете два-три занятных человека, даже — представьте себе — одной из кафедр заведует профессорша-графиня...

— Да-да, не смейтесь, настоящая графиня, более того, правнучка последнего графа Российской империи. Она, правда, скромница, об этом по привычке помалкивают. Я и сам-то чисто случайно узнал.

Николай Андреянович, поначалу было ухмылялся, дескать, в столице сейчас все, кто нерусскую фамилию имеет, объявили себя графьями да баронами, заплатив в районное дворянское собрание пару тонн баксов. Однако чем дольше он слушал увлекшегося профессора, тем больше ему казалось: а ведь он где-то читал про этого последнего графа, но вот где? Главное, фамилия была та же самая.

Дня два он ломал голову; как всякий человек с идиосинкразией на память, он не

мог успокоиться, не вспомнив что-то запавшее: слово, фамилию, сюжет, образ... И только на третий поутру, когда память наиболее активна, вспомнил: очерк о геройском действительном статском советнике он читал в самые юные годы, найдя на чердаке своей тетки, у которой семья проводила отпуск (тогда еще жили на Севере) в калужской деревне, полуистлевшую подшивку журнала «Нива», вернее, три подшивки: за 1881-ый, 1903-ий и 1914-ый года. Тетка же Настасья пояснила: старье это захватили, переезжая в новый дом перед войной из прохудившейся дедовой халупы. А к деду они попали вместе с зингеровской машинкой при дележке добра из имения сбежавшего в революцию помещика.

Да-да, именно в сентябрьском номере «Нивы» за год начала Первой мировой войны тогдашний Николка и прочитал о первом русском герое той войны и последнем графе* империи, до поры до времени упрятав прочитанное в кладовку своей недурственной памяти.

Николай Андреянович давно уже понимал: свет тесен при всей его многоликости, но всякий раз восхищался тесной спайкой людей в этом мире. Думал ли он, вчитываясь в ветхие страницы журнала, сидя с тяжелой подшивкой «Нивы» на веранде теткиной избы, что в полусотне километров отсюда, тож в калужском селе, бегает по двору с хворостинкой, выгоняя забежавшую чужую курицу, пятилетняя девочка с косичками, еще и не зная, что она графиня. Хотя на тех же дворах по всей стране уже прошлись либеральные хрущевские времена, а на партийный трон только что вступил еще либеральный «ранний Брежнев», но затаившиеся потомки князей и графов по привычке не торопились оповещать своих детей.

◆ Казначей Калишской губернии, действительный статский советник** Петр Иванович Соколов, несмотря на воскресный день, с самого утра находился в присутствии и в непрерывных делах. Только отдав самые срочные распоряжения, он на четверть часа затворился в кабинете, имевшем несколько разоренный вид: створки шкафов открыты, ящики рабочего стола выдвинуты, а все сколь-либо важные деловые бумаги, папки и скоросшиватели с перепиской еще загодя были упакованы одним из сторожей в пачки, обвязанные бечевой. Теперь же они занимали весь большой совещательный стол зеленого сукна.

Казначей с грустью осмотрел вдруг ставший таким неуютным кабинет, подошел к большому фасадному окну, стекла которого заметно вздрагивали от недальней орудийной канонады, так не гармонировавшей с прекрасными последними днями августа. Да, все кончено, по крайней мере, для него и семьи. Вчерашние газеты, доставленные из Петрограда — так уже почти месяц по-новому именовалась столица империи — читать без слез было невозможно: войска Людендорфа уничтожили под Танненбергом*** 2-ую армию Самсонова, взяв в плен почти 100000 русских солдат и офицеров... Поначалу удачный натиск Самсонова на Пруссию завершился начавшейся потерей Царства Польского. Сам командарм застрелился.****

Западные губернии русской Польши после таннебергской катастрофы оборонять было практически нечем, а Калиш — всего в нескольких десятках верст от прусской

---

* В результате либеральных реформ Александра II, очевидно, копируя английскую систему, вновь присваиваемый титул графа формально был заменен на двойную фамилию. Опять же по английской системе двойные фамилии, равнозначные титулу графа, давались, как правило, за военные подвиги и научные открытия; отсюда Семенов-Тянь-Шанский, Тимофеев-Ресовский...

** То есть управляющий губернскими финансами; действительный статский советник, согласно табели о рангах Российской империи, в гражданской службе соответствовал чину генерал-майора.

*** Это символично; в 1410 году там же в Грюнвальдской битве литовцы в союзе с поляками и русскими разбили наголову тевтонский орден...

**** Это самое крупное сражение начала войны на Восточном фронте было оболгано Солженицыным в «Августе 14-го». Правдивую же картину дала американская писательница Барбара Такман («Августовские пушки»).

границы — был и вовсе обречен. С самого 1 августа, с объявления Германией войны, Петр Иванович был готов уже к самому худшему развитию событий, но разгром армии Самсонова превзошел и это худшее...

Не в характере исправного служаки, сорокапятилетнего потомственного дворянина из захудавшего еще до Смутного времени древнего боярского рода Соколовых было ругмя ругать министров и всю правящую верхушку, что стало почти модой с русско-японской войны, столыпинских виселиц и «государственного наездничества» графа Витте-Полусахалинского... ох и язвителен русский народ: скажет как припечатает; так в его устах Витте и получил второе «графские» звание, то есть уничижающую двойную фамилию... Нет, ругательную моду-поветрие он не одобрял, хорошо понимая, что все люди, включая и высочайших персон, лишь пешки в величественном и кровавом движении мировой истории.

...Но ведь могли же в генштабе и в многочисленных тыловых управлениях и службой в мобилизационных планах более четко предусмотреть и подготовить эвакуационные мероприятия? Особенно для приграничных с Германией и Австро-Венгрией губерний. Конечно, через месяц-другой планы эвакуации имущества и людей начнут действовать для центральных и восточных губерний Царства Польского, но сейчас-то, в Калише под дулами надвигающихся германских пушек каждый в своем ведомстве варится в собственном соку.

◆ Впрочем, по министерству финансов план вывоза ценностей — всех активов, золота, ассигнаций и ценных бумаг — поступил к нему еще 10 августа, но план черновой, абрисный. Соколов тотчас телеграфировал в Петроград, объясняя сложность ситуации. А сложность эта того свойства, которое очень даже приятно в мирное время, а в условиях войны, да еще при невероятной близости города к неприятельской границе, весьма хлопотно. То есть все дело в том, что во вверенном ему казначействе активов скопилось, пожалуй, не менее чем в столице Царства Польского.

Хотя калишская губерния небольшая по размерам, по площади в десять тысяч квадратных верст чуть не вдвое меньше его родной калужской губернии — тоже невеликой, но при населении в полтора миллиона жителей являлась важным центром промышленности и торговли Западного края. После урожайного прошлого года и расширения производства на многочисленных суконных фабриках активы казначейства едва не удвоились. Опять же солидные поступления давали таможенные сборы, даже несмотря на перипетии последних лет, связанные с «таможенной войной» между Россией и Германией.

В пространной депеше казначей даже слегка вышел за рамки, дозволенные субординацией, намекая, что вывоз активов из Калиша следовало бы произвести сразу после объявления императором всеобщей мобилизации, обосновывая такие действия следующим. Во-первых, в худшем случае развития военных действий из всех десяти польских губерний именно калишская окажется на острие удара новых тевтонов. Во-вторых и в основных, германское командование прекрасно осведомлено о значительных ценностях калишского казначейства, поэтому постарается занять город с ходу, отрезав дорогу на Варшаву. И, наконец, «господин министр, вне всякого сомнения, осведомлен о, мягко говоря, не совсем дружественной позиции некоторой части польского населения, активизировавшейся в условиях войны».

Из министерства ответили в том смысле, что озабоченность губернского казначея понимают, но, ввиду благоприятной обстановки — бои идут на территории Пруссии,— не следует торопиться, создавая панические настроения. В любом случае до Варшавы триста верст... И так далее.

Спохватились в Петрограде только после катастрофы со 2-ой армией, но было поздно. Как и предполагал Петр Иванович, немцы первым делом перерезали дорогу

на Варшаву... В последней, позавчерашней телеграмме из министерства настоятельно указывалось: золото обязательно вывезти, а ассигнации и ценные бумаги, если не будет иной возможности, уничтожить.

◆ Размышления казначея перебил вбежавший казачий подъесаул:

— Ваше превосходительство! Через час-полтора наша пехота покидает позиции и уходит по южной дороге. Прикажите начинать!

— Да, пожалуй... раз вчера не успели, то давайте. С богом!

А весь вчерашний день был потрачен на спешные дела. Нужно было вытребовать у воинского начальства полусотню казаков, а от интендантства добиться выделения лошадей и повозок — тех и других исправных, ибо, минуя Варшаву, золотой запас было предписано министром везти в Петроград.

Сразу пришлось отказаться от вывоза ассигнаций и ценных бумаг: поезд повозок растянулся бы неимоверно, привлекая внимание как населения, так и многочисленных немецких лазутчиков. Потом везти в прифронтовой зоне мешки с ассигнациями рискованно и по известной воровской причине.

Как это ни покажется странным, но сложности возникли и с уничтожением сотен пудов ассигнаций и ценных бумаг. В здании казначейства действовало духовое отопление, поэтому в двух подвальных печах сжечь все не представлялось возможным. Невозможно было и развести костры на улице: казначейство не имело внутреннего двора. Выход подсказал товарищ* казначея в чине надворного советника, его приятель еще по прежней службе в Смоленске Василий Григорьевич Квасников: обильно облить бумаги кислотой. Вместе и решение нашли: тюки с ассигнациями и прочими бумагами всем казначейством полдня сносили в подвальный этаж, где имелся поместительный погреб, хорошо облицованный старинной кирпичной кладкой, с люком наверх. Под вечер вытряхнутыми из тюков бумагами служители набили погреб на две трети его высоты.

Серную же кислоту в трехведерных стеклянных бутылях, обложенных соломой, привезли на подводах с фабрики Лютецкого: она в большом количестве используется в сукновальном производстве. Феликс Осипович являлся семейным другом (через жену) Петра Ивановича, поэтому в просьбе не отказал и даже деликатно не поинтересовался странной просьбой.

Благодаря фабриканта по телефону, Петр Иванович тоже лишних вопросов знакомцу не задавал: как он собирается распорядиться семьей и фабрикой, имея в виду уже близкое вступление немцев в город. Повесил трубку на рычаг, дал отбой и вспомнил малоприятное: уже третий день на службу и даже домой звонят разные люди с уговорами и угрозами. В обоих случаях от него требовалось не вывозить активы казначейства, а передать их немцам при вступлении в город. Обещали в случае выполнения награду от кайзера, поместье и равноценную должность; в случае же невыполнения — публичную казнь.

◆ Отдав распоряжение подъесаулу, Петр Иванович в течение двух с лишком часов самолично наблюдал за действиями своих служителей и казаков. Последние под командой своего начальника выносили из хранилища золотые слитки, зашитые в полотно, и монету в рогожных двухпудовых мешочках, укладывали все это в повозки, накрывали брезентом. С утра хорошо покормленные лошади перебирали копытами, готовясь в неблизкий путь. Рядом коноводы попридерживали казачьих верховых.

Казначей зашел в подвальный этаж, смахивая слезы с защипавших от серного пара глаз. Служители, раскупоривавшие бутылки и выливающие кислоту в люк погреба, из которого этот пар валил, работали в ватных рукавицах и респираторных повяз-

* В царской России товарищем официально именовали первого заместителя чиновника — руководителя учреждения.

ках, вместе с кислотой привезенных с фабрики Лютецкого. Сам Феликс Осипович распорядился выдать, явно догадываясь о назначении запрошенного химического продукта.

Подъесаул доложил об окончании погрузки, а служители, вылив в погреб последнюю бутыль, вышли из здания, сняли респираторы и, как рыбы на суше, глотали воздух. Казначей попрощался с Василием Григорьевичем, который отправлялся с обозом старшим (семью он заранее отправил в Смоленск), обменялся рукопожатием с подъесаулом, перекрестил троекратно казаков, разбирающих своих коней. Спешенные же расселись по повозкам. Через несколько минут обоз скрылся за соседним зданием гимназии, взяв путь в сторону южной дороги — в объезд занятого немцами участка варшавского шоссе.

Отпустив со словами прощания служителей, Петр Иванович самолично закрыл на замок парадную казначейства, также троекратно перекрестился и пошел домой.

◆ На улицах города пустынно, необычно жаркий в конце августа воздух застыл, редкие прохожие не шли, а-а... так и хотелось сказать: вышел из дома, тревожно оглянулся и прошмыгнул. Словом, все как перед бурей или грозой. Канонада с запада и северо-востока, где пруссаки обошли город и перерезали дорогу на Варшаву, совсем затихла. Даже одиночных винтовочных выстрелов не доносилось. Это значило одно: последний русский взвод снялся с позиций и ушел в южном направлении, а немцы, выждав пару часов, опасаясь маловероятного маневра-провокации, вот-вот войдут в Калиш. Скорее всего, с обоих направлений, но уже раздосадованные: лазутчики из местных успели сообщить, что казначейское золото вывезено. Чему им радоваться? В стратегическом отношении город при мелководной Просне неинтересен. Казначей хорошо знал местную топографию, в прошлый отпуск из любознательности две недели пробродил с любительской археологической экспедицией гимназического учителя географии Варфоломеева: в Велюнском, Турекском и Конинском уездах, а также близ Варты и Здунско-Воли местность прямо-таки усеяна могильными курганами. Как объяснял Варфоломеев, курганы эти относятся еще к временам ранних пруссов* и мазурских племен.

Понимая, что, скорее всего, он последний раз свободно идет по улице, Петр Иванович нарочито замедлял шаг, обычно размеренный и упругий, какой только и может быть у сорокапятилетнего здорового телом и душой мужчины — в расцвете сил и ума. За решетчатой оградой особняка Бантышевского уже зеленела крашеным железом крыша его дома, поэтому, сузив шаг едва не до полуаршина, Петр Иванович кратко подвел итоги, как приучила профессия: методично, четко, выверено.

Распоряжение министра финансов он выполнил. Вне всякого сомнения, казачий конвой с золотом уже в расположении наших войск, занимающих после отступления линию обороны в десяти верстах на юг и юго-восток от Калиша. А дальше Квасников и подъесаул мигом домчат до Петрограда, благо там их ожидают ордена и солидное денежное вознаграждение. Но это к слову; оба и без денег с орденами долг свой выполнят.

Итак, он приказ выполнил — относительно служебных дел, а ведь приказа покинуть город и казначейство ему не было? Может, молчаливо предполагалось, что теперь он волен поступать с собой как хочет? Как обстоятельства сложатся? Уехать с конвоем не мог ввиду многочисленности семьи. А почему, как тот же Квасников и другие видные чиновники города, он заранее не отправил семью в Калугу, Смоленск или Петроград, где имелись родственники?

Но здесь-то все замкнулось в неразрывный круг. Елизавета Николаевна наотрез

---

* Балтийское племя, родственное литовцам, было полностью уничтожено в начале второго тысячелетия немецкими орденскими рыцарями. Осталось (как и Боруссия) только географическое название.

отказалась уезжать без мужа, тем более что пятеро по лавкам, престарелая мать, прислуга, а главное, только-только восьмимесячный Георгий оправился от затяжной простудной болезни. Это первая половина круга, вторая же — приказ из министерства, который он только что выполнил.

Как получилось, так и получилось; в конце концов, он человек партикулярный, долг свой выполнил по гражданской части; не шпион, не лазутчик... При всем своем тевтонском прошлом нынешние германцы — народ высокой культуры, сами дисциплину исполнения уважают, так и чужую должны понять!

И еще он невольно пожалел, что два года тому назад согласился на перевод к Калиш. Тем более что это был не приказ, а предложение. И согласился, учитывая повышение в должности и генеральское звание. Не честолюбив от роду был, но следовало думать о будущем четырех детей (Георгий еще не родился): образование хорошее дать, дочерей замуж выдать. Потом и им с Елизаветой Николаевной, всю жизнь кочующим, совсем не лишним будет провести старость в небольшом имении...

Петр Иванович отворил дверь в переднюю и вошел в дом, почему-то ощутив глубочайшую усталость, а голова зудела: успел-таки надышаться серными парами в подвале казначейства.

◆ «Я выполнил свой долг»,— только и сказал Петр Иванович супруге. Сославшись на усталость, отказался от обеда, прошел в кабинет и лег на диван. Елизавета Николаевна тревожно проследовала за мужем. Тот убрал ладонь, закрывавшую глаза от солнечных лучей, пробивавшихся через полупрозрачную оконную штору, успокоил, как мог, жену, добавив, что в *случае чего* она может обратиться к Лютецкому: поможет, чем сможет.

Через открытую форточку окна донеслись громкие голоса. Услышав немецкую речь, Елизавета Николаевна побледнела, но внешне волнения не выказала. Как привыкла в жизни.

Еще не успев встать с дивана, Петр Иванович услышал характерные быстрые шаги горничной Насти. Затем послышалось и грубое топанье подкованных сапог. Настя открыла дверь и хотела войти, но ее оттолкнул немецкий унтер, сопровождаемый двумя солдатами с винтовками в руках. Оба Соколовых хорошо знали по-немецки, а Елизавета Николаевна и вовсе преподавала его раньше в женской гимназии. Впрочем, унтер с кайзеровскими усами был краток:

— Директор казначейства Соколов? Идите с нами к майору Прейскеру, немедленно!

Побледневшая, но державшая себя в руках, Елизавета Николаевна вышла вслед за мужем и конвойными в гостиную, где уже собрались все дети, а кормилица вынесла из детской посапывающего во сне Георгия. Петр Иванович остановился, вздохнул, перекрестил всех домашних поочередно, подошел к кормилице и поцеловал младенца в лобик, губами чуть сдвинув чепчик.

— Прощайте, мои родные... а может, и до свидания, это как Бог распорядится. Берегите друг друга.

Старшие дочери заплакали, а Петр Иванович, обняв жену, решительно повернулся и пошел к выходной двери, опережая солдат, закинувших винтовки за спины.

◆ Батальон майора Отто Прейскера первым вошел в оставленный русскими войсками Калиш. С батальоном шел и назначенный комендантом города гауптман Ругисвальде в сопровождении приданного ему нестроевого взвода. У заставы обе команды разделились по заранее оговоренному плану: Прейскер со своим штабом отправился к ратуше, а комендатуру определили в здании таможенной конторы.

Не заходя еще в ратушу, Прейскер послал надежного вахмистра с двумя солдатами на квартиру казначея, придав в провожатые подвернувшегося под руку пацана.

В само казначейство идти смысла не имело: осведомители уже обо всем подробно рассказали. Но для порядка все же откомандировал туда лейтенанта с отделением солдат. Только после этого вошел в здание. Заняв кабинет городского головы и отдав необходимые распоряжения своему заместителю и батальонному квартирмейстеру, остался один, нахмурился. Хотя и не по его вине, но задание, по причине которого батальон был послан в город в нарушение общей диспозиции наступающих войск, выполнено не было. Прейскер невольно скосил глаза на пустое место под правым карманом мундира. А ведь уже через пару дней там мог появиться боевой крест!

Посланные вахмистр и лейтенант вернулись одновременно: офицер с пустыми руками и частым кашлем от паров серной кислоты, а унтер с Соколовым. Оставшись наедине с казначеем, Прейскер с минуту молчал, глядя поверх головы Петра Ивановича, затем сухо осведомился о его чине и для проформы о должности. Услышав о генеральском звании допрашиваемого, удивленно поднял правую бровь:

— И вы, имея такой высокий чин и прекрасный послужной список, решились в один миг все потерять? Мы же с вами люди цивилизованные, дворяне — каждый в своем отечестве; оба мы понимаем: войны прерогатива высокой политики, а всякий там патриотизм, долг перед государем и прочее — это для масс в шинелях и в пальто, в гимнастерках и в суконных пиджаках. А потом, есть писаные и неписаные правила войны для европейских стран. Одно из них гласит: воюют военные, а гражданское население соблюдает нейтралитет. Оно морально освобождается от ответственности по ранее данным обязательствам. Это имеет прямое отношение к вам, господин действительный статский советник. Вернее... имело бы, поступи вы разумно, не поддавшись псевдопатриотическим эмоциям. Теперь, увы, вы совершили преступление перед Германией, нанесли ей вред. Ладно, о себе не подумали, но ведь семья...

— Послушайте, герр майор! Вы не на лекции в Гейдельберге. Дело сделано, о чем тут рассуждать. Если у вас есть конкретное предписание в отношении меня, то и исполняйте его. Тоже мне... Понтий Пилат.

Прейскер резко встал, лицо его вмиг побагровело. Он молча обогнул стол и тоже вставшего Соколова, приотворил створку двери и крикнул давешнего лейтенанта. Тот явился с конвойными солдатами.

— Лейтенант, выведите этого... на площадь, пусть солдаты поработают над ним прикладами, а потом расстреляют. Все, идите!

◆ Елизавета Николаевна не находила себе места, что при ее сдержанном характере было вдвойне тяжелее. Прошло два часа, как увели мужа; она решила действовать. Приказав старшим дочерям и прислуге из дома не выходить и смотреть за младшими детьми, она вышла на улицу, остановила удачно попавшегося ей извозчика, едва ли не единственного осмелившегося в этот день выехать за заработками, спросила о местопребывании главного немецкого начальника. Извозчик, слышавший, что комендатуру устроили в бывшей таможенной конторе, и повез знаемую им жену пана казначея туда.

Комендант города гауптман Ругисвальде стоял у растворенного фасадного окна и видел даму, привезенную извозчиком, направившуюся к входу в здание. Через минуту в комнату вошел ординарец и доложил о визитерше. Руисвальде кивнул головой, дама вошла и отрекомендовалась женой губернского казначея Соколова. Волнуясь, она начала было рассказывать об арестованном муже, но гауптман перебил ее, дескать, ее мужем комендатура не занимается, все в ведении майора Прейскера. Чуть помедлив, комендант порекомендовал посетительнице идти на площадь к ратуше:

— ...Фрау Соколова, если вашего мужа на площади нет, то значит, он жив. До свидания!

Елизавета Николаевна, более не слушая офицера, бросилась к выходу, села с бричку извозчика, которому велела ждать, направляясь в комендатуру:

— Скорее на ратушную площадь!

Уже на самом въезде на площадь Елизавета Николаевна поняла: случилось непоправимое. Немногочисленные зеваки понуро расходились, а на краю площади, напротив здания ратуши, у каменного забора костела стояли два солдата с карабинами при штыках, а между ними на брусчатке лежал... Елизавета Николаевна со сдавленным криком бросилась к трупу мужа, но солдаты скрестили карабины с плоскими штыками, преградив путь. Стоявший поодаль лейтенант поспешил к ним:

— Проходите, фрау, проходите, здесь останавливаться не положено — приказ герра майора.

— Но это муж мой!

— Все равно проходите... могли бы и остановить его от опрометчивого шага.

— Но дайте хоть проститься, потом, ведь похоронить нужно?

— Расстрелянный будет здесь находиться до утра, а родственникам трупы преступников не выдаются. Похоронят без вас. Лучше о себе подумайте.

Последнюю фразу лейтенант произнес скороговоркой, опасливо посмотрев на ратушу. Голова Елизаветы Николаевны закружилась, в глазах потемнело. В чувство же она пришла только в автомобиле; ее бережно поддерживала Ядвига, жена суконного фабриканта Лютецкого, единственная, пожалуй, ее подруга в Калише. Скоро подъехали и к особняку Лютецких.

Подождав, пока невольная гостья придет хоть немного в себя, Феликс Осипович сообщил:

— Елизавета Николаевна, о сочувствии и прочем говорить не буду. Петр Иванович — истинный герой, но дело еще серьезнее. По достоверным сведениям Прейскер за свою неуспешность вполне может быть понижен в звании, поэтому лютует без предела: женщины, дети... он ни перед чем не остановится, прусская скотина! Извините. Словом, сегодня же с наступлением темноты, взяв только самое необходимое в дороге, вы с детьми и кормилицей выйдете из своего дома через черный вход и перейдете через дорогу к скверу. Там вас будет ждать моя машина, не та, на которой сейчас ехали, а «бугатти» — в ней все разместитесь. Наши войска всего в десятке верст на юг, а шофер мой довезет к утру до Варшавы и посадит на петроградский поезд.

— Почему до Петрограда именно? Я думала...

— Именно до столицы и прямо на прием к министру: пенсию за мужа, извините, оформить, жить-то ведь на что-то надо, детей воспитать и обучить. Насчет Петра Ивановича не беспокойтесь, похороним. И на Прейскера есть управа, в конце концов.

...Через двое суток семья покойного калишского казначея прибыла в Петроград.

◆ Государь Николай Александрович сразу после окончания четвертьчасовой (столь короткой по напряженному военному времени) аудиенции, данной по просьбе министра финансов вдове калишского казначея, некоторое время молча смотрел в окно на Неву. Молчала и Александра Федоровна, жестом отпустив старших дочерей и обер-фрейлину. Престарелый министр двора граф Фридерикс, потоптавшись, сам вышел: с началом войны дворцовый обиход значительно упростился.

Император еще раз мысленно продумал распоряжения, только что отданные в присутствии вдовы: ежегодная пенсия в три тысячи рублей, казенная шестикомнатная квартира на Большой линии из дворцового имущества — пожизненно, с бесплатной же прислугой и конным выездом; сыновей, исключая младенца, по их желанию, в морской кадетский корпус и в Михайловское юнкерское, соответственно. Дочерей он поначалу предложил в Смольный институт, но более практичная в житейских делах Александра Федоровна мягко воспротивилась:

— Мне кажется, что больше подойдет институт Ксенинский, благо он и рангом теперь не ниже Смольного. Потом... как-никак, но им дальше без главы семьи жить,

чего им во фрейлинах делать? А в Ксенинском добротное высшее педагогическое образование получат — серьезную женскую профессию.

Государь не возражал, объявив на прощание вдове Елизавете Николаевне, что подвиг ее мужа всегда останется в памяти августейшего семейства, но главное — в благодарной памяти всех православных и подданных Российской империи.

...Оторвавшись от лицезрения уже подернутой в приближении осени мелкой рябью Невы, император, ничего не сказав более царице, вышел из малой приемной залы, прошел в кабинет, приказав дежурному адъютанту позвать министра двора и связать по телефону с министерством внутренних дел. В течение ближнего получаса он отдал необходимые распоряжения.

Уже на следующий день в утреннем и вечернем выпусках «Биржевых ведомостей», равно как и в последующих сентябрьских номерах виднейшей российской газеты, а затем в ближайших выходах журналов «Огонек» и «Нива»* были помещены подробные очерки о подвиге действительного статского советника, богато иллюстрированные фотографиями Петра Ивановича, членов его семьи, видов города Калиша — из семейного альбома, в числе самых дорогих и ценных вещей взятых Елизаветой Николаевной при ночном бегстве из оккупированного города.

Тогда же, в сентябре месяце, все газеты России привели и указ императора — в форме подробной выписки из дворцового архива — о наречении погибшего казначея Героем России и даровании ему, всему семейству и потомству по нисходящей линии двойной фамилии Соколовы-Калишские со всеми проистекающими из этого дворянскими и гражданскими правами. В указе содержалось и определение об установке герою памятника в Калише после его освобождения от тевтонов...

Так бывший губернский казначей после смерти стал последним графом Российской империи, которой и самой оставалось существовать последние годы.

◆ Избитый солдатскими прикладами, но держась на ногах, Петр Иванович, следуя указанию лейтенанта, лихорадочно зажигающего сигарету за сигаретой, подошел к стене ограды костела, прислонился к ней спиной, стараясь не попадать на твердое сломанными ребрами. Напротив, в десяти шагах, выстроилось полуотделение. Лейтенант, скрывая невольное волнение, стал сбоку и подал команду. Солдаты взяли карабины с примкнутыми плоскими штыками наизготовку. Лейтенант, не имея от майора Прейскера инструкции зачитывать обвинение, равно как и самого текста, поднял правую руку для команды и на четверть минуты замер, что-то обдумывая.

В наступившей тишине и сама боль от побоев покинула на предсмертный миг Петра Ивановича. Остро он почувствовал полное одиночество, должно быть и потому, что всю жизнь, сколько помнил себя, одному оставаться не приходилось. А в последние двадцать лет и вовсе: на службе вокруг него постоянно толклись чиновники, дома — все растущая семья, прислуга, гостюющие родственники его и супруги Елизаветы Николаевна.

...А вот наступил короткий миг одиночества: одного и единого перед расстрельными солдатами, тщетно скрывающим понятное волнение молодым лейтенантом рейсхвера**, редкими зеваками, не убежавшими в ужасе с ратушной площади.

Не было в душе страха перед неумолимой кончиной, как не было и неких высоких мыслей — это из читаных романов, перед глазами героев которых последний миг жизни вся она заново повторялась. Жизнь, к сожалению, завершилась: любил жену и детей, чтил государя, был усерден в делах служебных. Если хорошо разобраться, то и сегодняшний свой поступок он не облекал в тогу героизма: опять же дело служебное,

---

* Самые популярные и массовые журналы того времени, выходившие еженедельными выпусками.

** Вооруженные силы Германской империи.

присягой царю освященное. Главное — чтобы о семье казна позаботилась, этого-то дети и Елизавета Николаевна заслужили через его верность долгу.

...А награды посмертные, памятники, как Ивану Сусанину? Ну их, награды и памятники эти. Нет в нем тщеславия. Хорошо если память о нем поколение-другое сохранится. Но и на это надежды особой нет: царство это от мира сего, а скоро ему и вовсе конец. Не был действительный статский советник разговорным политиком, но хорошо понимал: мир уже не тот, и русская империя после волнений и думской реформы 905-го года обречена. Вряд ли эту войну с германцами выстоит.

Одиночество... боже, какое одиночество в этом мире? Даже и от семьи отъединили. Семья! — Вот о чем думы его должны сейчас быть...

Но думать и жить ему более отпущено не было; раздалась команда срывающимся голосом лейтенанта: «*Фойер*!»* — и от мира отлетела еще одна душа. Одинокая в этот миг.

◆ Все предсмертные мысли Петра Ивановича в части памяти людской исполнились в точности. Памятника ему не поставили ни при Пилсудском, ни при генсеках Польской Народной Республики, ни в нынешней, вновь быстро обуржуазившейся Польше: вечен спор славян между собою, как провидчески заметил Пушкин, и полякам не нужны русские герои. Только калишские обыватели уже в пятом поколении хранят память, даже в какой-то «переходный период» сумели перезахоронить останки бывшего казначея на ратушной площади — на месте расстрела.

Про отечество родное и говорить нечего: после 17-го года никто из потомков Петра Ивановича не решился носить двойную фамилию. Многих детей и внуков Соколова-Калишского судьба занесла в иные веси; только на могильных плитах Америки, Японии и других стран стоит эта фамилия полностью. В родной калужской деревне дожила до начала XXI века, перешагнув столетний возраст, вторая дочь Петра Ивановича, названная в честь матери Елизаветой. А совсем недавно умер в Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк, и Георгий — последний из детей, с первого до последнего дня Великой Отечественной воевавший на Ленинградском фронте и эмигрировавший в США в самом начале 80-г годов.

... Плохо в России в последние девяносто лет с памятью, ох, плохо!

* Огонь! (нем.).